

Зона Смерти

Вячеслав Шалыгин
Грозовой фронт

«ЭКСМО»

2011

Шалыгин В. В.

Грозовой фронт / В. В. Шалыгин — «Эксмо», 2011 — (Зона Смерти)

Пятизоне. Локация Припять. Март 2058 года. Серия мощных взрывов вспахала землю буквально в десяти метрах от позиции роты чистильщиков, которой командовал лейтенант Павел Сухов... «Воскреснув», Павел вспомнил, что умирал он уже не раз, а значит, его жизнь замкнута в пространственно-временной петле. Случайно ему удастся узнать о планах Апостола, лидера группировки «Судный день», похитившего ядерный фугас, чтобы взорвать его в Узле. И таким образом очистить все пять локаций Зоны от порождений техноса, а заодно и от всех обитающих в ней людей. Пятизоне непостижимым способом содействует Павлу в его попытках предотвратить осуществление безумного плана. Неожиданно на сторону Павла переходят и легендарные в Зоне личности: Северная Хозяйка Лера и ее крестный, сталкер по кличке Механик. Когда Павел Сухов осознает, что недооценивал себя, у него остается единственное желание – вырваться из замкнутого пространства-времени!

© Шалыгин В. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава 1	17
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вячеслав Шалыгин

Грозовой фронт

Пролог

Зона, локация ЧАЭС, Припять, 06 марта 2058 г.

Серия мощных взрывов вспахала землю буквально в десяти метрах от бруствера, и позиции чистильщиков накрыла искусственная ночь. В воздух взметнулись тонны грязи, задёргнувшие небо непроницаемой чёрной шторой. Окружившие позиции чистильщиков биомехи не шли в атаку, а тупо долбили из тяжёлых орудий, пытаясь закопать людей живьём. Пока эта тактика не принесла железнному воинству полного успеха, но момент истины уже маячил на горизонте. Рано или поздно в строю чистильщиков не останется ни одного боеспособного воина, и тогда биомехи добьются своего.

На минуту обстрел прекратился, и лейтенант Павел Сухов решил воспользоваться короткой паузой. Он поднялся на четвереньки и прополз по дну окопа к позиции рядового Найдёнова. Боец вжался в грунт и не двигался, но компьютер лейтенанта утверждал, что рядовой пока жив. Просто не имело смысла торчать на бруствере, вот Найдёнов и занял самую безопасную позицию. Осуждать его или обвинять в трусости Сухов не собирался. Рядовой действовал правильно. Только так оставался шанс выжить в этом аду и дожидаться подкрепления.

Одна проблема: когда подойдет подкрепление, не знал даже сам Сухов. Застывшей на юго-восточной окраине Припяти Пятой отдельной роте Второго батальона Чернобыльской бригады Барьерной армии, а если проще – роте чистильщиков лейтенанта Сухова, почему-то никто не спешил помогать. Понятно, что пробиться к чистильщикам по земле не так-то просто, но хотя бы «вертушки» могли прилететь. Этому ничто не мешало. За всё время, пока чистильщики сидели в траншеях, противник лишь однажды поднимал свою авиацию, да и то условно, чтобы обозначить: драконы не дремлют. Несколько летающих механических монстров прошли штурмовым порядком на малой высоте, прострочили землю из автоматических пушек и убрались восвояси. Так что небо над Припятью оставалось относительно свободным. Но «вертушки» почему-то не летели.

Может, начальство просто махнуло на роту рукой? Ведь целые сутки под огнем – это гарантированный конец всему и всем. Раз в пять минут позиции накрывал затяжной свинцово-огненный шквал, затем, когда поднятая в воздух земля оседала черным липким дождем, брустверы обрабатывались лучевыми орудиями, а затем по ним снова лупили тяжёлые пушки. Раз в полчаса наступала минутная пауза.

Поблизости разорвался очередной снаряд, Сухов невольно пригнулся и толкнул бойца посильнее. Найдёнов поднял голову и резко обернулся. Павел помог воину сесть.

– Связи нет, чугунки глушат, – сообщил офицер.

Найдёнов кивнул.

– Господин лейтенант, докладывает рядовой Найдёнов...

– Отставить, – Сухов устало махнул рукой. – Сам всё вижу. Отвоевались, Найдёнов. От роты восемь человек осталось. А коробка к нам на помощь ещё даже не выдвинулась. Стоит на уровне Корогода, движки греет, но вперёд ни метра пройти не может. На том направлении будто бы смотр у чугунков. Бронезавры, носороги, рапторы, боты... чего только нет, причём много. И «вертушки» не прилетят, какая-то атмосферная аномалия мешает.

– Разрешите спросить, это вам кто довёл? – Найдёнов протёр прозрачное забрало шлема. – Связи ведь нет.

– Пробились сюда несколько машин из специального отряда, с севера зашли, – Сухов снова подтолкнул бойца. – Так что, подъём, Найдёнов, и ползком строго на север. До гаражей доползёшь, вставай и бегом в сторону отстойника.

– Есть.

– За левым флангом следи. Я прикрою. Марш!

Найдёнов вылез из траншеи, перебрался через бруствер и пополз строго на север, как и приказал лейтенант. Павел устроился на бруствере и попытался взять на прицел наиболее опасное направление, южное, а точнее – край ближайшей ложбины. Метров сорок Найдёнов преодолел легко, грязь оказалась неглубокой, да ещё помогал небольшой уклон, но на дне ложбины бойцу пришлось остановиться. Несколько воронок и трещин в земле мешали дальнейшему продвижению по-пластунски.

Боец приподнялся на локтях и повертел головой.

– Никого нет, – негромко подсказал Сухов, правда, не надеясь, что воин его услышит. – Вставай, беги!

Найдёнов будто бы всё же услышал приказ лейтенанта. Он поднялся на ноги и взял короткий разбег. Первую канаву он перепрыгнул без проблем. Но в тот момент, когда осталась позади вторая траншея, вокруг рядового засвистели пули. Боец бросился на землю, но не плашмя, а встал на четвереньки и продолжил движение к развалинам старых гаражей. Так он преодолел ещё два десятка метров, но затем снова рискнул подняться в полный рост. И тут началось самое интересное.

Слева в ложбину скатились несколько биомехов новой модификации. В походной конфигурации эти машины выглядели как крупные металлические шары, но, когда они выкатывались на позицию, происходила трансформация: шары раскрывались, почти выворачивались наизнанку и превращались в приземистых ботов модификации «краб». И каждый имел по четыре курсовые пушки. Сейчас наперерез Найдёнову выкатились восемь машин, а значит, один дружный залп мог легко перечеркнуть все надежды чистильщика на спасение.

Сухов, не раздумывая, вскинул «Шторм» и открыл беглый огонь по противнику. То же самое сделал Найдёнов. Теперь спасение бойца зависело от меткости лейтенанта и самого Найдёнова. Павел отсек четыре машины второй линии, а на первой линии сосредоточил огонь Найдёнов.

Боец прорывал две машины, перенёс огонь на третью, но ему пришлось снова залечь. Боты открыли ответный огонь, и пули их импульсных пушек едва не перерубили Найдёнова пополам. Он успел рухнуть на землю и отползти под прикрытие вывороченного из земли обломка какой-то бетонной конструкции...

Сухов не увидел, что случилось с Найдёновым дальше. К биомехам подтянулись резервы, которые шквальным огнем вспахали землю вокруг позиции лейтенанта. Сухову пришлось съехать на животе с бруствера в окоп и отползти по его дну на новую позицию.

Манёвр не сильно улучшил положение лейтенанта. Биомехи начали швыряться энергоснарядами, такими синеватыми стутками искусственных шаровых молний. «Шаровухи» взрывались на большой площади: от бывших позиций чистильщиков и до дальнего края ложбины позади окопов. Громкие хлопки взрывов оглушили Сухова, а запах гари и озона пробился даже сквозь фильтры защитной маски.

Павел попытался ещё чуть-чуть проползти по окопу, но упёрся в завал. Путь по дну траншеи был заказан. Только поверху. А это представлялось равносильным гибели. Несколько секунд Сухов раздумывал, что делать дальше, а затем решил рискнуть. Быть погребённым заживо или разлететься на мелкие кусочки от прямого попадания – какая разница? Зато не возникнет сожаления, что упустил последний шанс. Он выбрался на бруствер, бросил короткий взгляд на позиции биомехов и рванул вперёд, к продолжению траншеи, которое угадывалось сквозь дым за широким завалом.

Свой шанс лейтенант использовал на все сто и сумел добраться до нового окопа. Вот только это ему не помогло. Когда он спрыгнул вниз и распластался по спасительному дну новой траншеи, одна из «шаровух» упала точнёхонько в окоп, буквально в шаге от Сухова. Тугая взрывная волна вышвырнула лейтенанта из траншеи и бросила на обугленный остов подбитого ещё вчера бронезавра, в прошлом танка Т-017 «Истра».

Боевой костюм принял на себя основную тяжесть удара, но Павел всё равно «поплыл», как в лёгком нокдауне, а потому пропустил новую атаку. Несколько шагающих биомехов, в общем-то, и не атаковали позиции чистильщиков, а будто бы проходили мимо, но всё равно решили пострелять. Чугунки мгновенно засекли новую цель и полоснули из импульсников. Лейтенант услышал, как лопаются металлокерамические пластины бронекостюма, как чавкают ошметки плоти и булькает брызнувшая из ран кровь.

Сухов опустил мутнеющий взгляд и увидел, что всё его тело изрешечено, как дуршлаг. Выжить с такими повреждениями ему явно не светило. Но при этом лейтенант не чувствовал боли.

«Странно, – мелькнула в угасающем сознании мысль, – но почему-то не страшно. Всё закончилось, как полагается. Смертью. Не повезло. Как обычно...»

Павел уронил голову на грудь, но отключился не сразу. Сознание медленно угасало, в глазах постепенно темнело, однако лейтенант по-прежнему всё слышал, осознавал и даже мог размышлять.

– Да, юноша, не повезло, – вдруг пробормотал кто-то рядом с Суховым. – Но ничего, дело поправимое.

На краю поля зрения появился какой-то человек. Вернее, Сухов сумел рассмотреть лишь руку, сжимающую артефакт «Плеть». Ту самую «Плеть», которая могла, если сильно ею ударить, остановить любые физические процессы на атомарном уровне. А возможно, и на более глубоком. Ведь с помощью «Плети» удавалось временно нейтрализовать даже химер, а они, пусть и роботы, но ведь энергетические. Или наоборот, сгустки энергии, но обладающие программой. Короче, не в том суть. «Плеть» считалась самым мощным оружием ближнего боя, но в то же время – и лучшим помощником любого полевого лекаря-бионика. Лёгкое, точно дозированное прикосновение «Плетью» погружало раненого бойца всё в тот же труднообъяснимый стазис, но неглубокий и ненадолго. В таком состоянии все жизненные процессы не останавливались, а лишь притормаживались, и это позволяло довести пострадавшего до госпиталя. Одна беда, добыть «Плеть» удавалось очень редко, поэтому стоила она бешеных денег. Во всяком случае, руководству военно-медицинской службы цена артефакта представлялась сильно завышенной, поэтому описанный способ его применения для простых чистильщиков оставался лишь теорией. На практике помощь раненым на поле боя ограничивалась традиционным наложением повязок, жгутов, введением обезболивающего и эвакуацией под лозунгом «Авось доведём». Как максимум, использовались роботизированные медицинские комплексы, но аппаратура эта не славилась надёжностью, поэтому на поле боя применялась редко.

Получалось, что фразой «Дело поправимое» Сухова обнадёжил вовсе не армейский доктор или санинструктор-бионик. Павел попытался поднять взгляд. Это ему почти удалось, но мутная пелена не позволила лейтенанту разглядеть пришедшего на выручку человека. Единственное, что увидел Сухов кроме «Плети», так это взлохмаченную бороду лекаря.

«Точно не военный. С такой-то бородищей!»

Всё остальное слилось для лейтенанта в одно размытое серое пятно.

– Можешь не благодарить, отработаешь, – сказала «бородатое пятно».

Проронив эту новую загадочную фразу, лекарь осторожно коснулся «Плетью» груди раненого, и...

И время для Сухова остановилось. Он мыслил, осознавал себя, чувствовал и даже мог анализировать ощущения. Но всё происходило будто бы вне времени и пространства. Вот лей-

тенанта куда-то очень быстро (как ему казалось) понесли, вот он начал двигаться ещё быстрее и буквально вмиг перенёсся в какое-то место, полное искусственного света. Затем его словно разрезали на кусочки, вновь собрали, снова понесли куда-то и наконец оставили в покое физически, но сознание будто бы отделилось от тела и помчалось в какую-то даль со скоростью пули. Сплошные научные загадки, да и только.

Впрочем, для Сухова больше не имело значения, какие научные опыты над его истерзанными останками ставит неведомый лекарь. Да и что может иметь значение, если нет времени? И не в том смысле, что случился аврал, цейтнот, запарка и тому подобное, а в том, что лично для Сухова больше не существовало времени, в принципе, как такового. А нет времени – нет жизни. А если нет жизни, какой смысл задумываться, что происходит с душой и телом? Всё равно ведь ничего не изменишь. Так что... аминь.

*Зона, локация ЧАЭС, посёлок Выгребная Слобода,
02 ноября 2058 г*

Вид из окна второго этажа всегда успокаивал Леру. И это казалось странным, ведь окна её конторы смотрели вовсе не на тенистый сад с прудом и беседками. За окнами гудела и ворочалась, словно пчелиный рой, главная базарная площадь Обочины. Вид копошащегося человеческого роя мог, конечно, погрузить в легкий транс, но ничего умиротворяющего в этой картине не было. Да и звуковой ряд оставлял желать лучшего.

Жирная грязь чавкала под ногами сотен сталкеров, из толпы то и дело доносилась ругань, кто-то громко сморкался, кто-то ржал, где-то визжали и хрипло матерились уличные девки, и всё это приправлялось шумом вечного, нудного морозящего дождя.

И всё-таки, глядя вниз из окна своего кабинета, Лера почему-то чувствовала себя спокойно. Может, потому, что она владела половиной торговых точек в Выгребной Слободе, на сталкерском рынке Обочины, или потому, что ей принадлежало самое популярное в Старой Зоне заведение – бар «Пикник»? А быть может, дело было в новом статусе Северной Хозяйки, как называли Леру сталкеры? Ведь теперь она прибрала к рукам значительную часть посреднического бизнеса и в Пустоши, а официально – в Чернобыльской локации Зоны Смерти (или, как ещё называли эту локацию многие сталкеры, в Старой Зоне), и в Академзоне, то есть в Новосибирской локации. Да и в остальных локациях Зоны Смерти: в Московской (она же Курчатник), в Питерской с центром в районе Ленинградской АЭС, что в посёлке Сосновый Бор, и в Крымской, с центром на полуострове Казантип, Леру знали многие деловые люди.

Лера заработала свой статус честно. Пахала день и ночь все семь лет с момента Катастрофы: пяти мощнейших Взрывов, которые произошли одновременно 13 сентября 2051 года в Москве, под Питером, в Новосибирске, на Казантипе и в Припяти, в зоне отчуждения Чернобыльской АЭС. Взрывы сопровождались выбросами аномальной энергии, которая в одночасье превратила пять различных районов континента в пять одинаково обезображенных, безжизненных зон бедствия.

В пяти образовавшихся зонах не уцелело практически ни одной постройки, не выжило ни одно живое существо, и даже ландшафты изменились до неузнаваемости. Землю изрезали огромные овраги, где-то вздыбились новые горы, а где-то, наоборот, огромные участки территорий провалились в тартарары.

Ко всему прочему мёртвые территории оказались отрезаны от Большой земли немислимыми куполами гравитационных Барьеров: тридцатикилометрового радиуса и с трехкилометровыми по толщине стенками. На первый взгляд ничто не мешало проходу сквозь Барьеры (кроме страха перед гигантскими мутноватыми пузырями), но на деле всё оказывалось не так просто. В толще трёхкилометровой стенки Барьера, в самой её середине, сила тяжести увеличивалась втрое. Без подготовки тащить на себе ещё два собственных веса получалось не у всех. Даже, когда повсеместно распространились боевые костюмы со встроенными ходовыми серво-

усилителями, прохождение Барьера осталось трудной задачей. Ведь усилители помогали мышцам скелета, а какие усилители помогут сердцу дотолкать втрое потяжелевшую кровь к мозгу? Никакие. Вот поначалу и падали без сознания многие смельчаки прямо в толще Барьеров.

Впрочем, тем, кто умудрялся пройти сквозь Барьеры, тоже не светило ничего хорошего. Аномальная энергия Взрывов действовала самым странным образом на все имевшиеся в локациях механизмы и электронику (а их имелось, мягко говоря, немало, особенно в Москве, Новосибирске и под Питером), превратив безобидных раньше роботов, а также машины, бытовую технику и даже компьютерную мелюзгу в зубастых, клыкастых и агрессивных электронно-механических хищников. Вдруг ставшая разумной и до зубов вооружённая техника вкупе с электроникой принялась лихорадочно осваивать мёртвые территории и всеми силами препятствовала возвращению на них людей. Позже люди сошлись во мнении, что действиями всего этого техноса (слово появилось по аналогии с этносом) управляет некий запретительный разум, якобы обитающий на перекрёстке внепространственных тоннелей в так называемом Узле. Но и когда стало ясно, что переродившиеся машины теперь не помощники, а вражеское войско, люди не оставили идею возвращения в пятиземелье. С этого, собственно, и началась история повторного освоения людьми пяти отрезанных от Большой земли территорий, ставших единой аномальной Зоной Смерти.

Единственным плюсом, который обнаружился после Катастрофы 2051 (некоторые называли её Третьим взрывом, имея в виду взрыв на Чернобыльской АЭС 1986 года и непонятно что ещё якобы произошедшее там же, но так и не признанное официальной наукой в 2012 году), стали так называемые «тамбуры». То есть прямые внепространственные переходы между центрами пяти локаций Зоны. Имея при себе определённый маркер (проще говоря – ключ), человек мог в одну секунду переместиться, допустим, из Академзоны в Курчатник или в любую другую локацию Зоны Смерти.

В таких условиях вот уже семь лет Лера выживала и строила бизнес, но не только ради получения выгоды, а ещё и помогая выживать другим. Нет, не из любви к благотворительности. Просто Лера с самого рождения оказалась накрепко привязана к одной из пяти локаций Зоны, и ей вовсе не улыбалось остаться в Зоне единственной жительницей.

Положение в местном обществе придавало Лере уверенности в себе, но спокойствия, если честно, не добавляло. А вот простейший вид из окна почему-то успокаивал. Может, всё объяснялось ещё проще, и дело было не в каких-то там статусах и финансовых возможностях, а в простом человеческом чувстве защищённости. Хороший дом с крепкими стенами, бронированные стёкла, второй этаж... Мой дом, моя крепость.

– Так и есть, крестница. Даже вечные скитальцы должны иметь какой-то дом. Сначала он требуется им, чтоб было откуда сбежать, затем, чтоб было куда вернуться. Без точки привязки жить нельзя.

У Леры за спиной бесшумно появился тот, с кем Лера чувствовала себя абсолютно защищённой, умиротворённой и так далее, даже в самые трудные времена и в самых неудобных местечках. Давний друг потерянной во время Катастрофы семьи и крёстный Леры по прозвищу Механик. С ним Лера ничего не боялась. И это несмотря на то, что Механик считался скрытным, непредсказуемым и странноватым типом. Порой Лера его не понимала, часто не знала, чего от него ожидать, к тому же он раздражал её тем, что умел читать мысли «крестницы», даже сокровенные. И всё равно рядом с крёстным Лере становилось спокойно. Такой вот парадокс.

– Точка привязки, – Лера обернулась, подняла печальный взгляд на крёстного и вздохнула. – Взял и свёл романтику к какой-то формальщине. Что ты за человек?

– Я Механик, – крёстный усмехнулся. – Романтика – не мой профиль. Зато я знаю, как всё в этом мире устроено и по каким алгоритмам работает. В том числе – жизнь.

– Жизнь нельзя описать алгоритмами.

– Неужели? – Механик уселся за рабочий стол Леры и потыкал пальцем в объемную проекцию экрана, зависшую над столом. – Впрочем, не буду спорить. Не до того сейчас.

– Появилось новое дело?

– Да, Лера, появилось, – Механик жестом свернул проекцию и побарабанил пальцами по столу. – Как раз для тебя. С элементами романтики и даже мистики.

– Но реально это очередной компот из алгоритмов, – скептически усмехнувшись, закончила Лера вместо Механика.

– Ты же понимаешь...

Механик развёл руками.

– Понимаю, – Лера кивнула. – У тебя всегда так. Жены тебе не хватает.

– Вот тебе раз! – Механик удивлённо уставился на Леру. – А это тут при чём? Зачем мне жена?

– Чтобы иногда направлять твою энергию в нужное русло. Очень уж ты деловой, крёстный. Что ни день, новые идеи, задачи, вводные. И все мирового масштаба.

– Кто бы говорил, – Механик спрятал ухмылку в густой бороде. – Нет, Лера, жена мне противопоказана. Я ведь слегка чокнутый и непредсказуемый бродяга. Я доктор Айболит, который лечит и чинит всех подряд, хоть людей, хоть биомехов. Одиночка и по жизни, и по своему положению в далеко не светском обществе Зоны. Тем и ценен. А заботливая жена, дом с лужайкой, дети, собака, скучная работа и самая безопасная в мире китайская машина «Вольво» – это для людей стабильных, от мира сего.

– А как же твоя теория насчёт «точки привязки»? Её должны иметь даже вечные скитальцы, ты сам сказал.

– Точка у меня есть, – Механик взглядом указал за окно. – Зона. Этого достаточно.

– Как знаешь, – Лера почему-то вздохнула.

– Да, семья это хорошо, – снова прочитал её мысли Механик. – Но у каждого свои представления об этом механизме. В своё время я мог бы создать семью с... неважно, с кем... но тогда это было нереально. Помнишь, как твоя мама говорила: «Всё происходит вовремя или не происходит никогда».

– Помню. Теперь время упущено?

– Точно не знаю, но пока это по-прежнему нереально. Правда, по другой причине. А ты почему медлишь?

– Давай лучше о делах, – Лера слегка нахмурилась.

– Давай, – легко согласился Механик. – Сама понимаешь, торговля меня не интересует. А вот твой посреднический бизнес... Насколько я знаю, у тебя сейчас нет особо сложных заказов?

– Моего личного участия дела не требуют, – Лера кивнула.

– Вот и славно. Тогда озадачу тебя немного. Дело несложное, но очень ответственное, работать придётся по секундам.

Механик взял паузу, изучая реакцию Леры. Никакой особой реакции не последовало. Ведь ничего особо важного Механик пока и не сказал. Но за двадцать... неважно с каким хвостиком, лет Лера хорошо изучила крёстного. Прежде чем он продолжит, Лера должна отреагировать. Хоть как-то. Пусть даже просто кивнуть. Такой у них сложился ритуал. Механик ненавидел монологи, ему требовалось живое общение.

– Сколько надо человек? – спросила Лера.

– Ты и два-три надёжных помощника.

– Два у меня есть, – Лера чуть склонила голову набок и внимательно взглянула на Механика. – А третий есть у тебя. Ты уже починил его?

– Если ты о Лешем, то я оставлю твой вопрос без ответа, – сказал Механик.

– Он до сих пор не выздоровел? – в голосе Леры мелькнули нотки тревоги. – Прошло полгода.

– Семь месяцев, – уточнил Механик. – Расслабься, выздоровел твой сталкер. Но пока он на профилактике, осваивает новые программы и всякие премудрости.

– Неужели он чего-то не знает или не умеет?

– Век живи, век учись...

– А всё равно помрёшь неучем, – вновь закончила фразу Лера. – Так мама шутила.

– В отличие от твоего отца, её нельзя было отнести к оптимистам, – Механик улыбнулся.

– В последнее время я всё чаще думаю о ней, – вдруг призналась Лера. – Помнишь, я рассказывала о странных людях? О тех, которые пообещали сделать крупный заказ и посулили, что оплатой станет свидание с мамой?

– Ты им поверила? – Механик поднял бровь.

– Нет, но... надежда умирает последней, ты ведь знаешь. И потом, они показали мамин кристалл на цепочке. Откуда он у них?

– А это он?

– Не знаю. Похож сильно, а что это на самом деле: оригинал или копия... не знаю. С тех пор я каждую свободную минуту вспоминаю о маме, об отце, о прошлой жизни. Вспоминаю и жду этого заказа.

– Хорошо, что предупредила, – деловым тоном произнёс Механик. – Учту.

– Я это сказала не потому, что пытаюсь отказаться от твоего задания... – Лера взмахнула рукой. – Просто вспомнила... вот и всё.

– Я понял, – Механик покачал головой. – Крепко тебя привязали, грамотно, ничего не скажешь.

– Ты о чем?

– Ну как о чём, о «точке привязки». Только не к дому, а к кристаллу. Что ещё напели эти будущие заказчики? Что мать твоя вернулась в Зону?

– «Мать твоя» звучит грубовато, – Лера с осуждением взглянула на Механика. – Забыл, как её зовут?

– Ольга, – голос у Механика почему-то дрогнул. Бородач откашлялся и продолжил: – Значит, они сказали, что Ольга, возможно, вернулась в Зону, и у тебя есть шансы её отыскать?

– Да, если я выполню их задание, связанное с каким-то важным человеком.

– Классический крючок, – Механик кивнул. – Молодцы. Но до сих пор никаких попыток связаться с тобой они не предпринимали, так?

– Нет. Всё происходит вовремя...

– Я помню, – Механик поднял руку, останавливая Леру, и задумчиво уставился куда-то мимо девушки. – Значит... значит... сделаем так. Для начала проветрим тебе голову. Как мне кажется, в ней накопилось много лишнего. Смотри на меня внимательно, слушай и запоминай. Когда придёт посланник с кристаллом, тогда и будешь думать о встрече с матерью... с Ольгой, а пока считай это байкой, которую выдумали, чтобы держать тебя на поводке, в горячем резерве. Поняла? Решай вопросы по мере возникновения, не застревай в прошлом и не улетай в будущее, живи настоящим. А в настоящем у тебя, крестница, есть очередное дело. Договорились? За этим делом, глядишь, и время до встречи с посланником незаметнее пролетит. Согласна с таким раскладом?

– Согласна, – Лера сидела неподвижно и, не моргая, смотрела Механику в глаза.

– Значит, идём дальше, – монотонно, чтобы не разрушить гипнотический эффект, продолжил Механик. – Лешего не обещаю, поэтому придётся тебе полагаться на себя и своих помощников, Найдёнова да Копейкина. Задание будет не тяжелое, но ответственное.

– Ты уже говорил, – Лера вдруг стряхнула оцепенение.

– Сильной стала, даже мой гипноз тебя больше не берёт, – Механик усмехнулся. – Видать, материнские гены проснулись. Это хорошо. Но всё равно дослушай внимательно, прочувствуй каждое слово. Троица ваша должна войти в игру в ключевой момент, а потому работать придётся...

– По секундам, – Лера кивнула. – Помню. Не повторяйся, Механик, я и так уже поняла, что задание особо важное. В чём главная проблема?

– Ты не поверишь.

– Тебе поверю. Так в чём же?

– В ядерной бомбе.

– Ты шутишь?! – Лера недоверчиво уставилась на крёстного.

Механик вместо ответа лишь развёл руками. В его круглых синих глазах Лера не увидела ни намёка на иронию. Даже наоборот, впервые в глубине взгляда Механика отражалось скрытое беспокойство. А то и вовсе... страх.

*Зона, локация ЧАЭС, район тамбура,
03 ноября 2058 г.*

– Ну, и что мы здесь забыли?

Бывший столичный репортёр, а теперь начинающий сталкер Иван Копейкин окинул скептическим взглядом пыльное неуютное помещение и недовольно поморщился. Его напарник, в недавнем прошлом опытный боец-чистильщик Сергей Найдёнов озирался, наоборот, с интересом. Он, похоже, догадывался, зачем Лера привела своих помощников в древний бункер неподалёку от Чернобыльского тамбура, но догадку свою озвучивать не спешил. Ждал, когда ситуацию прояснит сама Лера.

– Я же сказала, – Лера подошла к старому кожаному креслу и осторожно провела пальцами по шву подголовника. – Здесь мы будем ждать одного человека.

– Я понял, но почему здесь? – Копейкин подошел к большому керамическому ящику у дальней стены и смахнул пыль с выбитой на крышке надписи. – АВЛ, 1986–2051. Ничего так, нормально пожил человек. В Зоне столько лет редко кто проживает. Так почему здесь, в склепе?

– Ты знаешь другие надёжные места вблизи тамбура?

– Нет, но... – Копейкин кивком указал саркофаг. – Хотя бы этот гроб можно отсюда вынести?

– Нельзя!

Лера вдруг почему-то вспыхнула, а в глазах у неё сверкнули недобрые искорки. Копейкин не ожидал такой реакции. Он поднял руки и помотал головой.

– Нет, ну нельзя, значит, нельзя, переночуем вчетвером. Я просто спросил. Не заводишь.

– Чей это бункер? – спросил Найдёнов, изучая кресло и стол перед ним. – Здесь стоял компьютер?

– Да, – Лера перевела взгляд на стол, а затем на стену, у которой он стоял. – Старый... знаешь, были такие «динозавры»: большой прозрачный 3D-экран с виртуальной клавиатурой. А вон там располагалась кухня.

Лера обернулась и указала на противоположную стену. Теперь от кухни остались только пластиковые обломки и контуры-отметины навесных шкафов. Среди обломков уже шарил вездесущий Копейкин.

– Смотрите, что нашёл! – Иван выудил из груды мусора чудом уцелевшую стеклянную банку с пластиковой крышкой. – Ух ты! Кофе! «Н-кафе». Я помню рекламу. В детстве видел. По всему Екатеринбургу баннеры висели. «Нанотехнология обжарки – гарантия натурального вкуса». Я всё думал, какая может быть нанотехнология у обжарки? Я и теперь не понимаю, но тогда чуть мозги не сломал.

– Модное было словечко, вот и вставляли его куда ни попадя, – сказала Лера. – Но кофе был хороший. Теперь такого не найдёшь.

– Зато «нанотехнология» теперь не только модное, но ещё и зловещее словечко, – Копейкин бросил банку Найдёнову.

Сергей поймал ёмкость и передал Лере. Девушка почти минуту разглядывала банку, затем бережно поставила её на стол и отвернулась от товарищей. Пару минут она стояла неподвижно, явно пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями. Друзья её не тревожили. Оба уже догадались, что Лера не просто так привела их именно в этот заброшенный бункер. Она хорошо знала и это место, и бывшего хозяина этого убежища. Того самого, останки которого теперь покоились в герметичном керамическом саркофаге у дальней стены.

– Располагайтесь, – по-прежнему не оборачиваясь к товарищам, глухо проронила Лера.

– Чур, я в кресле! – Копейкин скинул с плеча рюкзак и попытался сесть в кресло, но его остановил Найдёнов.

– На столе посидишь, это хозяйское место.

– Так ведь ему больше лежать нравится.

Копейкин прикусил язык, поскольку получил от Найдёнова ощутимый тычок под рёбра.

– Ещё что-нибудь ляпнешь, тресну в дыню, – негромко пообещал Сергей. – Это место Леры, понял?

– Понял, не дурак, – хрипло ответил Иван, корчась от неприятных ощущений в боку. – Чего ты сразу драться? Лера, присаживайся, кресло твоё, так и быть.

– Позже, – Лера наконец справилась с эмоциями и обернулась. Глаза у неё блестели от влаги.

– То есть, пока я могу посидеть? – неугомонный Копейкин попытался всё-таки сесть в кресло, но его опередил Найдёнов. – Э-э! Так нечестно!

– Тебе всё равно на пост, – спокойно возразил Сергей. – Да, Лера?

– Да, надо кому-то дежурить, – Лера кивнула. – Место удобное, но от случайностей мы не застрахованы.

– Блин! – Копейкин скривился. – Как всегда, самый молодой дежурит в первую очередь? Это дискриминация!

– Ещё скажи, расовая, – Найдёнов усмехнулся. – Не грусти, негрёнок. Раньше встанешь на пост, раньше сменишься.

– Нет, а почему всё-таки не подождать прямо у тамбура?! – проворчал Копейкин, проверяя оружие и снаряжение. – Странное какое-то задание. Кто его только придумал?! Лера, кто его придумал на самом деле, признайся.

– Я же говорила, – устало ответила Лера. – Военные придумали. Вчера вечером приехал лейтенантик, попросил прокатиться с ним до штаба бригады. Приехали, смотрю, а там высшие чины со всей Барьерной армии собрались.

– Ну да, – Копейкин недоверчиво хмыкнул. – И ты, как яркое украшение суровой мужской компании. И это несмотря на твою, мягко говоря, сомнительную репутацию.

– Ты опять мелешь что попало? – Найдёнов сурово взглянул на Ивана.

– Я в том смысле, что... с властями Лера ведь не особо ладила когда-то, – Копейкин стушевался. – Нет, в последнее время всё устаканилось... как бы... но на уровне генералов даже Леший всего-то пару раз светился. Не то что Лера. Ну... в смысле... она, конечно, тоже крутая, и военные её ценят, но...

– Ты будто бы не говоришь, Копейкин, а дерьмом фонтанируешь, – Найдёнов поморщился. – Лучше вообще молчи.

– Это особый случай, – ничуть не обидевшись, сказала Лера. – Военные решили привлечь все лояльные кадры, а поскольку я считаю наследницей дела и связей Каспера, который все-

гда тайно, но продуктивно работал с чистильщиками, позвали и меня. Проблема у военных нарисовалась нешуточная.

– Ну да, это мы поняли с первого раза, – Копейкин усмехнулся. – Вот ведь дубы в погонах! Ядерный фугас умудрились про... шляпить! Да ещё напрямик со склада! Ну и чего стоит такая армия? Себя и то не может от злодеев защитить.

– Чего они стоят, военные сами разберутся, позже, а сейчас задача у всех одна, найти фугас. И кто его найдёт, неважно. Мы все в этом заинтересованы. Поэтому военные и обратились в том числе к нам.

– Конечно, тут уж не до выпендрёжа, всех на уши поднимешь, чтобы такую пропажу отыскать, – Копейкин помотал головой. – Раздолбай! А кого ещё подключили? Крупнорогатых позвали? Ну, там... Мерлина, Механика, Мангуста? Какие-нибудь группировки? Орден?

– Группировки не привлекаются. Вольные – выборочно.

– Механик привлекается или нет?

– Да. Но у него свой участок работы.

– А Леший? Ему ведь давно пора выйти с больничного. Сейчас самое время.

– Леший занят.

– Нет, ну нормально, да?! – Копейкин возмущённо фыркнул и взглядом поискал поддержки у Найдёнова.

Сергей лишь пожал плечами.

– Мы справимся, – сказала Лера. – Главное – сделать всё точно по плану и в срок.

– Ну, а хоть что-нибудь о похитителях известно? Хоть какая-то зацепка имеется? Это всё, вообще, когда произошло?

– Пять месяцев назад.

– Ни фига себе! – Копейкин округлил глаза. – И они молчали?! А теперь злодеи начали шантажировать военных, поэтому генералы зашевелились?

– Всё как раз наоборот. За прошедшее время военные сумели выследить похитителей, узнали почти всё о структуре их группировки, она называется «Судный день», навели справки о возможных покровителях банды и даже почти вышли на «крота», который помог злоумышленникам выкрасть фугас. Но «Судный день» обнаружил слежку и ушёл на дно. С конца июля о нём никто ничего не слышал.

– Так может, они уже давно тю-тю? Продали фугас, свалили из Зоны и теперь на вырученные денежки загорают в Египте? Потому и тишина.

– «Судный день» не станет продавать фугас, – уверенно заявил Найдёнов. – Само название группировки на это указывает. Они хотят взорвать эту бомбу.

– Военные тоже так думают, – подтвердила Лера. – По данным контрразведки, фугас по-прежнему в Зоне. Военные даже предполагают, что он здесь, в Чернобыльской пустоши. Но найти его не могут. Сканерами и детекторами мониторят круглые сутки. Ноль. Как под землю провалился этот фугас.

– Наверняка туда и провалился, – спокойно произнес Сергей. – В Зоне много подземелий, где можно армейские склады упрятать, а не то что одну ядерную мину.

– Ладно, но чем мы поможем военным, сидя в этом бункере? – Копейкин поморщился. – Не понимаю!

– От тебя и не требуется ничего понимать, – заявил Найдёнов. – Тебе ведь репортаж потом не писать. Выполнишь свою часть работы и свободен.

– Да, но... хотя бы скажите, кого мы тут ждём?

– Одного человека, – ответила Лера. – Предположительно он появится из тамбура. Хотя возможны варианты. Точно не знаю.

– Очень вдохновляющая боевая задача, – Копейкин иронично хмыкнул. – Ты хотя бы знаешь, кто этот тип? Или тоже «возможны варианты»? Тут в сутки по сто человек проходит

туда-сюда. Как мы его отличим? По плакату на груди «Розыск ядерных бомб, цены на наши услуги вас приятно удивят»?

– Мы его узнаем, – уклончиво ответила Лера. – Надо просто быть начеку и не пропустить момент, когда этот человек здесь появится. Это всё.

– И когда он появится, тогда... – Копейкин вопросительно взглянул на Леру и ударил кулаком в ладонь.

– Тогда действовать, – Лера покачала головой. – Но не так, как ты думаешь.

– А как?

– Скажу, когда придёт время.

– Ясно, – Иван разочарованно вздохнул. – Полная конспирация. Даже от своих шифруемся. Обидно, знаете ли, Валерия Андреевна! Мы ведь не с улицы в этот бункер попали, мы с вами вот уже полгода по Зоне бродим. А у вас всё какие-то секреты от нас. Нехорошо!

– Так приказал Механик, – призналась Лера. – Больше ничего не скажу.

– Механик! – Копейкин усмехнулся и махнул рукой. – Удобная отмазка! А ты чего молчишь, орёл бройлерный?!

Иван обернулся к Найдёнову. Сергей, казалось, не прислушивался к разговору, а думал о чём-то своём. Очнулся он только когда к нему напрямую обратился Копейкин.

– Угомонись и топай на пост, моль нестроевая, – спокойно предложил Найдёнов. – А любопытство своё засунь куда подальше. Ты здесь никто и звать тебя никак. Ты только винтик в механизме. И не дай тебе бог в какой-нибудь неподходящий момент забыть об этой роли.

– Ой-ой, – Иван скривился, – и что будет?!

– Выверну тебя из механизма, – невозмутимо глядя на Копейкина, ответил Сергей. – За голову. С хрустом.

– А-а, – Копейкин махнул рукой. – Не испугал!

– И не собирался. Просто предупредил. У нас новая Катастрофа назревает, если ты не понял. Ядерная. Так что дружба дружбой, а служба службой, Иван. Облажаешься, сверну тебе шею без сомнений.

– Приплыли, – Копейкин заметно скис. – Дружба, служба, катастрофа... Злые вы! Уйду от вас!

– Уходи, – Найдёнов сдержал зевоту. – Через два часа смену.

Копейкин выбрался из бункера через пролом в потолке и устроился неподалеку под прикрытием лежащей на груде щебня огромной вытяжной трубы, которая рухнула во время Катастрофы 2051 года. Лера незаметно проследила за Иваном и, убедившись, что молодой сталкер занял правильную позицию, вернулась в бункер. Найдёнов, как любой опытный боец, использовал передышку по прямому назначению. Он откинул спинку кресла и задремал. Лера не стала его тревожить и прошла в бывший кухонный отсек.

На миг вернулись воспоминания, но она сумела их отогнать. Сейчас у неё имелись дела поважнее ностальгии. Лера отыскала под грудой мусора и обвалившейся штукатурки «икеевский» складной стульчик, поставила его у стены, уселась и прикрыла глаза. Нет, она не собиралась следовать примеру Сергея и дремать, коротая время ожидания. Лера открыла специальный канал связи и попыталась установить соединение с Механиком. Так они договаривались: когда Лера и её бойцы окажутся на исходной позиции, Механик даст новые инструкции.

Соединение установилось, но Механик почему-то молчал. Он явно сосредоточился на каком-то серьёзном деле. Лера не могла прочесть его мысли или увидеть то, что видит Механик, но каким-то образом она знала, что крёстный сосредоточен на чём-то или на ком-то важном и отвлекать его не следует. Лера оставила виртуальное напоминание и разорвала соединение. Она выполнила первую часть своей миссии, дальше всё зависело от Механика. И так вплоть до развязки. Если, конечно, крёстный справится со своей частью задачи.

«Когда он не справлялся? – подумалось Лере. – Всегда справлялся. Но ведь всё когда-нибудь случается впервые, в том числе и провалы. Остаётся надеяться, что это не тот случай. Слишком уж высоки ставки».

Глава 1

Зона, 03 ноября 2058 г.

Осень – это состояние души, а не время года. Время сожаления об упущенных возможностях, о тепле, которого придется ждать полгода, а то и дольше, о планах, которые рухнули, хотя ещё весной казались безупречными. В общем, осень – это тоска и уныние. Особенно в таких местах, как Зона. В любой из её пяти локаций. Вечный дождь, слякоть, серость... проще говоря – вечная осень. Впрочем, это повторение всем известных истин. Все и так знают, что в Зоне не бывает ничего, кроме осени. Причём по виду местная «вечная осень» напоминает вечный ноябрь. Ведь никакого природы увядания и прочих красно-золотых красот здесь не увидишь. Никакой листвы на деревьях в Зоне нет. Здесь и деревьев-то нет. Сплошь жестяные автоны, которые лишь издали напоминают растительность. Так что здесь, как и везде глубокой осенью, сколько угодно бесконечной вязкой грязи и осадков, которые ежедневно сочатся из серых туч. Здесь всегда пахнет сыростью и ржавчиной, какой-то химической дрянью и мазутом, гарью и палёной резиной. Но никогда не пахнет опавшими листьями и мокрой хвоей, как в смешанных лесах на Большой земле. Здешняя осень или весна, неважно, – мёртвый сезон. Ну, а чего ещё ждать от предбанника ада?

Лейтенант Павел Сухов поднял взгляд к серому небу и невольно зажмурился. Шлем он потерял, поэтому мелкая дождевая пыль мгновенно залила глаза и вода потекла по заросшим щетиной щекам. Потекла, будто слёзы. Офицер провёл по лицу ладонью. Щетина отросла несильно, хотя со времени последнего бритья прошло почти трое суток. Наверное, всё дело в убывающей луне. Если верить народным приметам, на убывающую луну хорошо стричься и бриться, когда не хочешь, чтобы волосы отросли быстро. Впрочем, без разницы. До строевого смотра далеко, привести себя в порядок ещё успеется. Хотелось бы надеяться, что к тому моменту удастся навести марафет не только внешний, но и внутренний – преодолеть неуместное в марте осеннее уныние, или, как выражаются всякие умники, депрессию.

Лейтенант хмыкнул. Планы он строил вполне реальные, но в деле имелась одна маленькая загвоздка. До ближайшего места, где проводятся строевые смотры, то есть до военной базы, лейтенанту предстояло топать и топать. Даже до ближайшего блокпоста чистильщиков путь лежал далёкий и непростой. Если учесть, что в аккумуляторе боевого костюма почти не осталось заряда, а патронов в ИПП «Шторм» системы Карташова всего-то дюжина, простейшая боевая задача – дойти – становилась задачей сложнейшей. К тому же у Сухова не работала ни м-связь, ни навигация. Что там произошло с имплантами, лейтенант не мог и предположить. Судя по самочувствию, метаболический имплант и ещё несколько стабилизированных очагов жестяной заразы в организме функционировали нормально, а вот главный компьютер почему-то молчал. Ни связи, ни подсказок не выдавал. Только откликался на тестовый запрос, да и то через раз, будто бы нехотя. Павел знал, что такое с имплантами иногда случается, но никогда не думал, что это произойдёт с его вживлённым компьютером. Всё-таки не какая-нибудь кустарная поделка, а штатный офицерский, хорошо защищённый от всяких проблем, с расширенной гарантией. Понятно, что выдержать сутки под плотным обстрелом, работая на пределе мощности, дано не каждому, но ведь сам Сухов выдержал. Почему же «сдулся» комп? Может, биомехи применили какое-нибудь новое электромагнитное оружие? Лейтенант попытался припомнить. Вроде бы нет, ничего такого они не применяли. Долбили чугунки из всех орудий, тяжело и методично. Закопали практически всю роту. Последнее, что запомнил Сухов, разговор с рядовым Найдёновым. Тогда в строю оставалось восемь человек, считая его самого. В это время прибыла спасательная команда, и бойцы начали отходить, а он остался прикрывать. А дальше... навалилась темнота. Но ничего особенного чугунки всё-таки не применяли.

Вырубился Павел, скорее всего, получив обычную контузию. На работу вживлённого компьютера контузия повлиять не могла.

А ещё никакая взрывная волна не могла унести лейтенанта Сухова настолько далеко от Припяти, на окраине которой сражались с биомехами чистильщики. Навигация лейтенанту на самом деле не требовалась. Он служил в Чернобыльской бригаде Барьерной армии вот уже третий год, и потому изучил Старую Зону во всех деталях. Очнулся лейтенант не в Припяти, а точнёхонько в центре Чернобыля, города-призрака, поглощённого жестяными лесами. Это Сухов понял сразу. Чистильщики забредали сюда нечасто, но, однажды побывав в этом жутком местечке, запоминали его в мельчайших деталях. Даже самая мощная взрывная волна не могла пронести Сухова несколько километров над «ржавым морем тайги» из автонов и, главное, аккуратно, не повредив, уложить на склон огромной воронки. Однако другого объяснения своему появлению в Чернобыле лейтенант не находил. Когда Сухов пришёл в себя, он обнаружил, что лежит на середине склона, но ни выше, ни ниже, ни по бокам от него нет никаких следов. То есть никто не приносил сюда Сухова на носилках или на руках, сверху его тоже вряд ли скинули – тогда он по инерции проехал бы вниз хотя бы метр, но и следов скольжения на склоне не наблюдалось. Получалось, прилетел и медленно спланировал? Бред? Да, бред. Но какие ещё варианты?

Павел вновь окинул взглядом воронку. На лоснящихся от грязи склонах вообще не обнаружилось ничего лишнего. Не заметил лейтенант ни «ростков» жестяных кустарников, ни ржавой «плесени», тоже металлической, ни следов людей или машин. На дне огромной конусовидной ямы стояла грязная лужа, которая служила единственным «украшением» воронки. Взгляд лейтенанта почему-то задержался на луже. Ничего особенного в ней Сухов не нашёл. Обычная жидкая грязь слегка колыхалась, по её поверхности расходились тысячи мелких кругов от дождевых капель, а иногда в луже вздувались маленькие пузырьки. Картина знакомая с детства. Но лейтенант всё-таки потратил почти полминуты на изучение лужи. То ли подсознательно уловил какую-то странность, то ли просто никак не мог сосредоточиться и надеялся, что вид лужи, которая выглядела в неестественно пустой воронке единственной нормальной деталью, поможет стряхнуть ощущение нереальности происходящего.

Встряхнуться так и не удалось. Вид покрытой рябью и кругами воды, наоборот, ещё глубже загнал Сухова в своеобразный транс. Осознав это, лейтенант решил сменить тактику. Он усилием воли отогнал хандру и уныние, встряхнул головой, как боевой конь, и начал карабкаться по скользкому склону воронки.

Выбраться удалось с третьей попытки. Очутившись наверху, Павел ещё раз взглянул вниз. Лужа осталась на месте, а нереальный пейзаж склона теперь испортили глубокие борозды и рытвины, которые образовались после суховского восхождения. Впрочем, усилившийся дождь уже почти заливал все дефекты грунта на том месте, где Сухов начал свой путь. Вот и вся мистика. Ларчик открывался просто. Потому и не увидел Павел поначалу никаких следов вокруг себя, всё дело в дожде и особой вязкости почвы.

Простое, но важное открытие существенно взбодрило лейтенанта. И пусть оставался неясным такой странный момент, как перемещение из Припяти в Чернобыль, у Сухова появилось главное – уверенность, что всё происходящее не сон и не бред. Жаль, по-прежнему барахлил компьютерный имплант. Сухов не имел ни выхода в м-сеть, ни доступа к автономным базам данных или хотя бы к элементарной текущей информации: координаты, температура воздуха, время и так далее.

Павел оторвался наконец от созерцания воронки, в очередной раз встряхнулся и окинул взглядом окрестности. Ничего нового лейтенант не увидел. Всё здесь выглядело уныло и привычно.

К руинам домов цеплялись жестяные лианы, чёрно-серые, с пятнами ржавчины и зеленоватыми потёками медных окислов, а дороги и тротуары на улицах поросли разнокалиберными

автонами другого вида и состава. Часть жестяной растительности напоминала причудливо изогнутые дюралевые деревья и колючие кустарники со стальными шипами, а часть больше смахивала на свинцовые сталагмиты, на поверхности которых нашла себе местечко серо-буро-зелёная имитация северных лишайников. Изредка глаз цеплялся за растительность активную, способную реагировать на движение и хватать путников за ноги или же просто способную шевелиться не только под напором ветра, но и произвольно. Самый яркий пример: «титановая лоза». В поле зрения Сухова попал и такой экземпляр. И вся эта металлическая «флора» состояла из тех же микроскопических элементов, что и «фауна» Зоны Смерти, из наночастиц, которые соединились в причудливые «растения» стараниями нанороботов – главной составляющей и одновременно движущей силы местной биомеханической эволюции.

В зарослях «жестянки», как на языке военных, по аналогии с «зелёной», назывались заросли металлорастительности, наверняка прятались и представители зональной «фауны». То есть мелкие механизмы, типа скоргов, и более крупные биомехи. Все металлические твари имели программы, которые превращали этих причудливых, мягко говоря, роботов в подобие живых существ. Собственно, потому их и называли биомехами, от слов «био», жизнь, и «механизм». Но на взгляд дотошного и щепетильного в вопросах терминологии Сухова, автономная программа функционирования не вдыхала в роботов никакой жизни. По сути они так и оставались мёртвыми железяками. Однако название «биомех», живой механизм, ближе к истине, чем первоначальный термин «механоид». Так называли железных тварей до Большой зачистки пятьдесят шестого года. «Механоидами», строго говоря, следовало называть не роботов, а, наоборот, людей, которые застряли в Зоне Смерти и, уподобившись механизмам, начали действовать по программе, навязанной им этим гиблым местечком. Ведь «механоид» так и переводится: «подобный механизму».

Впрочем, как гласит старая пословица: «Хоть горшком называй, только в печь не сажай». Применительно к ситуации, в которую попал Сухов, понимать это следовало так: биомехи, механоиды, без разницы, лишь бы не засекли и не накрыли медным тазом. С дюжиной патронов не отбиться и от десятка условно живых железяк.

Лейтенант на всякий случай ещё разок пошарил по карманам. Кроме «Шторма» с мизерным боезапасом, нашлись ещё два вида оружия. Нож и порядком изношенный «фрич», особого вида артефакт, созданный аномальной энергией Зоны неведь из чего, но ставший для людей просто незаменимым элементом «набора выживания». Студёнистая зеленоватая масса никак не реагировала на керамику, пластик, органику и её производные, зато «люто расправлялась» со всем металлическим. При контакте «фрич» мгновенно замораживал металлы до сверхнизких температур и менял их свойства, делая любую броню хрупкой, как стекло.

Этим свойством «фрича» охотно пользовались и вольные сталкеры, и военные, и все желающие. Чаще всего они носили «студень» в карманах хэбэшек или в кожаных подсумках и использовали в ближнем бою с чугунками вместо ножа. При погружении во «фрич» рука бойца одевалась в студень, как в перчатку, и дальше от человека требовалось только побороть страх и посильнее врезать кулаком по броне биомеха. Обычно результат превосходил все ожидания. Некоторые особо крепкие бойцы умудрялись даже проломить броню бронезавра – перекроенного по странным лекалам биомехов танка. Конечно же, «фрич» не обладал большим ресурсом, после каждого применения перчатка на руке истончалась. Но «фрич» Сухова пока годился для вполне серьёзной стычки, его толщины могло хватить ударов на десять.

Ещё в подсумке, в резервном отделении, нашлась одна плазменная граната старого образца, ГП-1. Взрыв этого изделия обеспечивал десятиметровую в диаметре зону поражения всего и всех. Поражения полного и беспощадного. Всё, что попадало в пылающий круг, сгорало почти без остатка. Разве что от тяжёлых бронированных биомехов оставались обугленные корпуса. Павел подбросил небольшой серебристый цилиндр на ладони и переложил его из подсумка в карман.

Что ж, если учитывать ещё и бесполезный против биомехов нож, Сухов мог считать себя вооружённым до зубов. Лейтенант невесело усмехнулся. Зубы, кстати сказать, тоже оружие, если уж брать по большому счету.

От размышлений и проверки боеготовности Сухова отвлек посторонний звук. Сначала лейтенант решил, что ему послышалось. Где-то вдалеке, за стеной из кривых металлических деревьев, раздалось нечто вроде всплеска. Шум моросящего дождя и дробь крупных капель, стекающих по ветвям «жестянки», почти замаскировали этот звук, но Павел его всё же услышал. Всплеск, а затем ещё один звук, похожий на чавканье. В воображении Сухова тотчас возникла картинка: нога в армейском ботинке вступает в глубокую, полную жирной грязи лужу.

Нарисованный фантазией армейский ботинок вовсе не воодушевил лейтенанта. Да, по ту сторону жестяных зарослей вполне мог находиться патруль чистильщиков. Но ведь это могли быть и другие живые обитатели Зоны Смерти. Например, узловики, то есть бойцы группировки «Орден Священного Узла» или того хуже – егеря из группировки «Ковчег». Да пусть даже вольные сталкеры, кто знает, как отреагируют они на встречу с одиноким потрёпанным чистильщиком? К военным у местной братии всех мастей всегда имелись претензии, и встречаться с ними Сухову не имело ни малейшего смысла. Наконец, шлѐпать по лужам могли и биомехи. Звуки шагов тяжѐлых ботов, конечно, отличались от услышанных Суховым. Роботы-андроиды топали так, что одним всплеском дело не обошлось бы. Но ведь в строю армии биомехов с недавних пор имелись и более продвинутые модификации бойцов. Допустим, сталтехы или зомби-морботы.

Последние вполне успешно имитировали людей, используя в качестве опорной конструкции своих корпусов человеческие скелеты. Миллионы колоний мелких скоргов (самопрограммирующихся кибернетических организмов) облепляли скелет, получали от управляющей колонии или же от более продвинутого биомеха программу взаимодействия и формировали, словно живые клетки, подобие человеческого тела. Поначалу, примерно год назад, морботам приходилось покрывать всё это безобразие искусственной кожей, имитировать кожные покровы у них не получалось, но вскоре Узел – центр модернизации и главный программатор биомехов – устранил этот недостаток. Морботы стали походить на людей, что называется, «хрен отличишь». Разве что в глубине глаз у них светились красные огоньки, и вели себя они, как любые другие биомехи: по-машинному бездушно. Ну, а как иначе? Зомби есть зомби. Хоть целиком их воскрешай, хоть в виде скелета, облепленного новым «фаршем» на компьютерно-электрической тяге. Всё одно – мертвяки.

А вот сталтехы создавались Зоной, техносом (то есть биомеханическим населением Зоны) и Узлом «от обратного». Эти твари создавались из живых людей. Звучит жутковато, концлагерно, но так и происходило. Нанороботы, как злобные вирусы, внедрялись в людей и постепенно заменяли в их телах всё, что можно заменить, не убивая человека окончательно. Дело частенько доходило до девяностопроцентной подмены, после которой ни о каком человеческом облике и разуме говорить, конечно же, не приходилось. О душе, если кто верит в её существование, речь тоже не шла. Человек становился сталтехом, то есть тем самым пресловутым механоидом: существом формально живым, но больше похожим на робота. Бездушным и полностью зависимым от Зоны. В принципе – тем же мертвяком. Ну, чуть живее. На десять процентов. Непринципиально.

Всплеск повторился, затем ещё раз, причем звуки прилетели одновременно и оттуда же, откуда раньше, и слева. Людей или сталтехов по ту сторону «жестянки» топало несколько и они обходили заросли по левому краю. Обходили и приближались к Сухову. Лейтенант выбрал в качестве укрытия ближайший кирпичный дом с огромным проломом в стене.

Торопливо забравшись в пролом, Павел бегло осмотрелся. Вроде бы комнатка, в которую он попал, выглядела свободной от жестяной нежити любых размеров. Удовлетворившись

таким выводом, лейтенант занял позицию слева от пролома и приготовил к бою импульсную винтовку.

Сумрачная пелена дождя и заросли автонов мешали рассмотреть в деталях противоположную сторону улицы, но всё, что нужно, Сухов увидел. Из «жестянки» вышли два десятка человек в одинаковых плащах с капюшонами. Покрой и городская маскировочная раскраска плащей поначалу вернули лейтенанта к мысли о патруле чистильщиков, но уже в следующую секунду Павел сумел разглядеть кое-какие детали, перечеркнувшие первое предположение. На лицах у всех бойцов красовались изолирующие маски нового образца. Удобные, лёгкие, с большими визорами, они абсолютно не мешали обзору и почти не ощущались владельцами. Сухову доводилось примерять эту модель, но не довелось ею пользоваться.

В Барьерной армии новые маски выдавались только по большому благу. Обычно такие дефицитные вещицы уходили со складов напрямую на сталкерские рынки. Вороватых вещьевиков часто ловили за руку, намыливали им шею, даже увольняли, но без толку. Им на смену приходили новые прохиндеи, такие же наглые и вороватые. Большинство чистильщиков так и бродило по Зоне в старом снаряжении. Даже офицерам приходилось носить и старые маски, и устаревшие бронекостюмы, и затрапезное термобельё. Кое-кто, не выдержав издевательств вещьевиков или же слегка разбогатев на тёмных делишках со сталкерами, покупал себе снаряжение на рынках, но таких в составе патруля могло быть процентов двадцать, не больше. Например, когда в патруль ходил сам лейтенант Сухов, среди его бойцов таких «барыг» не было вообще. И сам лейтенант никогда не опускался до мелкой торговли со сталкерами. Пользовался тем же снаряжением, что и его бойцы. Как говорится, стойко переносил все тяготы и лишения службы. И подчинённые его за это уважали. Хотя не все. Находились и такие, кто считал Сухова занудой и моралистом. Даже Сухарём за глаза называли.

Но сейчас лейтенант видел картинку вовсе нереальную для патруля чистильщиков: по центру Чернобыля брели двадцать бойцов в хорошей экипировке и с новыми импульсниками системы Карташова. Последнее также легко определялось издали: к крайней модификации «карташа» крепился новый прицел характерной формы. Нет, к позиции Сухова приближались не чистильщики. Точно. Кто-то очень хотел под них замаскироваться, но при этом не желал рисковать здоровьем и доводить маскировку до полного соответствия: пользоваться старыми фильтрующими масками, устаревшим оружием и так далее.

Лидер группы фальшивых чистильщиков остановился у края воронки и заглянул вниз. У Сухова мгновенно пересохло во рту. Если дождь не смыл следы, лейтенанту могло не поздоровиться! Непонятно, что делали здесь эти люди, но если они занимались примерно тем же, чем занимаются патрули нормальных чистильщиков – поиском нелегалов на запретной территории, – то оставленные Суховым следы могли дать им повод для активного поиска нарушителя. И уж можно не сомневаться, что такой оравой они имели все шансы найти Сухова в считанные минуты.

Лидер «ряженных» окинул взглядом воронку, обернулся к ближайшему бойцу и что-то сказал. Тот кивнул и стволом ИПП указал на руины... в которых затаился Сухов! Лейтенант невольно сделал шаг назад и оглянулся. За дверью комнатки, приютившей Сухова, угадывался засыпанный мусором коридор, а за дверью напротив – ещё одна комната, большей площади и более-менее свободная от обломков и мусора.

Удерживая под прицелом пролом в стене, лейтенант медленно попятился, упёрся спиной в косяк, чуть сдвинулся в сторону, вышел в коридор, быстро бросил взгляд влево, вправо и принял новое решение. Прятаться в большой и пустой комнате не имело смысла, а слева коридор под потолок завалило мусором. Оставался путь вправо, в темноту. Возможно, в темноте коридора скрывалась опасность не меньшая, чем та, которая приближалась к руинам со стороны воронки, но с выбором у Сухова получалась напряжёнка. «Возможно» против «наверняка».

Лейтенант медленно и осторожно продвинулся метров на двадцать вправо, до перегородившей коридор плиты рухнувших перекрытий, и затаился в темном углу. Под ногами шуршали какие-то мелкие биомехи, наверное, стальные крысы, а по стенам и плите за спиной у лейтенанта тоненько скрежетали железными лапками скорги-скарабей, но особых проблем с этими тварями Павел не предвидел. Скорги и крысы могли впиться в ботинок или попытаться прогрызть доспехи, но это всё ерунда, такой мелюзге даже старенькая экипировка чистильщика не по зубам. Главное, чтобы какой-нибудь скарабей не свалился за шиворот. А вот выстрел из «Шторма» или из армгана – дело другое, пуля импульсника прошьёт легкую полевую броню, как бумагу, а луч армгана, лазерного излучателя, так и вовсе может пошинковать живую мишень на антрекоты. Имеются ли на вооружении фальшивых чистильщиков армганы, Сухов издалека не увидел, но предполагал, что имеются. Хотя бы у командира. Эти дорогие, но удобные и эффективные штуковины крепились к предплечью, в походном положении компактно складывались и почти не торчали из рукава, поэтому рассмотреть их удавалось с трудом. Плюс ко всему, не следовало исключать варианта, что среди бойцов имеются воины-энергетики, которые могли сжечь противника и вовсе без оружия, метнув в него небольшую шаровую молнию, или как выражаются любители импортных слов – файрбол.

Бойцы непонятной группировки вошли в развалины здания тем же путём, что и Сухов. Лейтенант сосредоточился. Наступал момент истины. Если бойцы искали именно Сухова, их поиски почти завершились.

– Дальше, – послышалось из комнатки с проломом. – В зал, там потолок не течёт.

В просвете коридора показалась фигура в плаще. Сухов положил палец на спусковой крючок и затаил дыхание. Боец на секунду притормозил, обернулся, кивнул, а затем прошёл в комнату напротив, самую просторную и свободную от мусора. Видимо, эту комнату бойцы и называли «залом».

Павел медленно выдохнул, но палец со спуска не убрал. Следом за первым в зал прошли и остальные бойцы. Последним коридор пересёк лидер группы.

Сухов сглотнул вязкую слюну. Эти люди искали не его. И слава богу. Значит, у лейтенанта оставался шанс выбраться из щекотливой ситуации без особых потерь. Погибшие нервные клетки не в счет.

– Вы удовлетворены? – пробасил кто-то из собравшихся в «зале».

– Не совсем, – ответил голос не столь басовитый.

– Что вас не устраивает, инспектор? – удивленно спросил басовитый, скорее всего, лидер группы. – Маршрут, степень готовности изделия или квалификация моих бойцов? Я никак не могу понять, почему вы постоянно морщитесь? Прыщ на заднице воспалился?

– Выбирайте выражения, господин... союзник!

– Знаете что, господин инспектор, я могу и не в таких выражениях изложить вам суть проблемы. Вашей проблемы, заметьте. Так что, будьте любезны, если имеются замечания по существу, говорите. Если нет, определимся с днем «Д», а дальше не смею задерживать. Вас проводят. Ваш ответ?

– Мой ответ «нет», – в голосе инспектора вдруг появились холодные и на удивление твердые нотки. – Мы пока не готовы.

– Вот как? – лидер группы сохранил относительное спокойствие и даже усмехнулся. – То есть не готовы именно вы, а у нас всё в порядке, так надо понимать ваши слова?

– Мы все не готовы, Апостол, – заявил инспектор. – Со дня на день мы ждем очень важное заключение экспертов с Большой земли.

– Какие ещё вам нужны заключения? – недовольно пробасил лидер группы, Апостол. Кроме недовольства, в его голосе угадывался ещё один оттенок, присущий недооценённым гениям: снисходительный и одновременно чуть обиженный. – Вы по-прежнему опасаетесь, что от взрыва детонирует энергосущество? Это бред, инспектор! В своё время ученые отчаянно

спорили, а не взорвет ли атомная бомба всю атмосферу. Даже романы о такой катастрофе были написаны. Фантастические. И что в результате получилось? Ничего! Ровным счетом.

– Мы должны быть полностью уверены.

– Вы?! – Лидер группы явно начал заводится. – Хотите быть уверены? Проверяйте свои расчеты сколько угодно! А мы не будем ждать. Мы точно знаем, что всё пойдёт как надо. Никакой новой катастрофы не случится, это всё бредни ваших трусливых учёных. Если б у них имелись яйца, они давно нашли бы в себе мужество признать, что перестраховываются.

– Пидоры они все, – проронил кто-то ещё.

– Точно! – одобрительно произнес Апостол. – Но ничего, если нормальные мужики перевелись за Барьерами, они найдутся здесь, в самом пекле. Если судный день чугункам не могут устроить наши бывшие коллеги, его устроим мы! Правильно?

В зале одобрительно загудели.

– Кому, как не нам, – заметил кто-то из бойцов.

– Верно! – вновь согласился Апостол. – Ведь мы и есть «Судный день»! Как говорит наш мудрый народ, назвался груздем, полезай в кузов! Если наша организация называется «Судный день», только от нас зависит, когда этот день настанет. И мы никому не позволим вставлять нам палки в колёса!

– Но позвольте, Апостол, расчёты необходимы... не по чьей-то прихоти, а во избежание серьёзных проблем. Наши покровители не одобряют самостоятельности.

– Мы профессионалы, а не труппа народного театра. В нашей команде собраны лучшие специалисты. Мы ювелирно провели операцию по изъятию изделия, мы провезли его сквозь Барьер, доставили в хранилище и перепрограммировали. О какой самостоятельности вы толкуете? Мы точно знаем, что делаем!

– Да, вы блестяще справились с подготовительным этапом, но этого мало.

– Этого более чем достаточно, чтобы доказать вам и всем «покровителям», что мы профессионалы и мы контролируем ситуацию. На этом предлагаю и остановиться! Если ваше начальство не назначит день «Д» в ближайшую неделю, это сделаю я. С вами или без вас. Но тогда уж извините, все сливки снимет исключительно «Судный день». Ни с какими покровителями делиться мы не станем.

– Хорошо, Апостол, я передам ваши слова своему начальству, – сухо произнес инспектор. – Но, если хотите знать моё мнение, никаких сливок вы не снимете. Я разделяю опасения учёных. Ядерный взрыв в пространстве Узла может привести к непредсказуемым последствиям. В нынешнем виде Зона существует уже семь лет, но никто даже не думал о подрыве гипертоннелей и соответственно Узла ядерным зарядом. Вы считаете, все семь лет ситуацию контролировали... как вы сказали, педики? Генерал Шепетов, генерал Антоненко, адмирал Колесник... они все по-вашему слабохарактерные типы нетрадиционной ориентации?

– Не передёргивайте!

– И не думал передёргивать. Просто попытался подобрать наиболее яркие примеры. О крутом характере перечисленных мной высших офицеров сложены легенды, но никто из них не рискнул применить против Узла или локально ядерное оружие. Никто! Именно научно обоснованная осторожность до сих пор удерживала военных от такого шага.

– Не знаю, что их удерживало, но только не осторожность. – Лидер «Судного дня» сбросил обороты. – Не детонации энерговещества-скоргиума они опасались.

– Чего же тогда? Ответного удара Узла? Или же того, что бомба там вовсе не взорвётся, достанется целёхонькой Узлу, и он модернизирует её, как модернизировал всю технику, которая провалилась в тамбуры? Что ж, в этом случае последствия и вовсе трудно предсказать. Мы все в курсе, какую опасную штуковину может соорудить Узел из обычного пылесоса, что уж говорить о ядерном фугасе.

– Возможно, так и было, – на удивление спокойно согласился Апостол. – Пусть память об этих опасениях, как и ответственность за погубленные в результате жизни, лежит на совести Шепетова и его преемников вечным тяжёлым грузом. Нам такого балласта не нужно. Мы ничего не боимся и решительно пойдём до конца!

Момент затишья в настроении Апостола вновь сменился бурей. У лидера «Судного дня» явно имелись проблемы с нервами. И с головой.

– Хорошо, – инспектор понял, что сейчас начнется очередной повтор застрявшего в голове у Апостола заклинания, и, предупреждая это, вскинул руку. – Допустим, вы не боитесь детонации энергополей! Но почему вы уверены, что вам удастся взорвать фугас в момент гиперперехода? Почему вы не допускаете мысли, что Узел не позволит вам этого сделать?

– Потому, что мы учли этот вариант и подготовились! Узел поймёт, что проглотил опасную наживку, лишь когда сработает детонатор. И ни наносекундой раньше!

– Вы считаете, что способны обмануть Узел?

– Мы уже пробовали на... макете, и у нас получилось. А вы думали, мы просто горстка сумасшедших, одержимых идеей устроить ядерный апокалипсис, а там хоть трава не расти?!

– Она тут и так пока не растёт, – заметил кто-то из бойцов.

– Вот именно – пока! А когда мы уничтожим Узел, когда закроем тамбуры во всех пяти локациях Зоны, когда исчезнут Барьеры, здесь будут расти и трава, и деревья, и города. Мы вернем людям их законные территории, мы сделаем наш мир таким, каким его создал творец: гармоничным и целостным, без этих отвратительных дыр-тамбуров, ведущих прямоком в преисподнюю!

– Вы красиво говорите, но это не значит, что ваша позиция безупречна. – Судя по тону, инспектору не терпелось вернуться на свою базу, дёрнуть стакан «Хортицы» под котлету по-киевски, завалиться на койку и забыть о беседе с полоумным Апостолом, как забывают о страшном сне. – Да и в искренность ваших слов я до конца не верю.

– Там увидим, инспектор! А что до искренности... Вы намекаете, что «Судный день» небескорыстен?! Да, мы хотим получить бывшие локации Зоны в аренду на длительный срок или даже в собственность. Ну и что? В чём тут криминал? В чём опасность для общества, мать его, в чём?! Мы восстановим эти территории, сделаем их пригодными для обитания, отстроим разрушенные города и предприятия. За свои деньги отстроим! Ни копейки у государства не возьмём! Зато дадим ему полноценные территории, на которых всё будет расти и благоухать, на которых будут жить люди и работать заводы! Вы знаете, сколько сраных Кипров можно уместить в Зоне? Два! И Багамских островов почти столько же! Или один Израиль! Такие территории пропадают! И, заметьте, все локации находятся в ключевых точках континента! В таких, что живи и радуйся! Взять хотя бы Крым. Куда там этому заплёванному Кипру до Крыма! Вот мы и хотим вернуть все эти земли в оборот, пусть и в виде частных владений, например, туристических заповедников. Экскурсии по местам сталкерской славы, шашлык-машлык, фотографии с останками биомехов. Что в этом плохого?!

– В принципе, ничего плохого нет. Я только не понял, вы заводы восстанавливать тут собираетесь или туристов развлекать?

– Одно другому не мешает, нечего брюзжать, инспектор! Есть ещё вопросы? Нет? Чех, бери свою тройку, проводите гостя до точки подхвата. Честь имею, инспектор!

Павел снова задержал дыхание. В просвете коридора мелькнули несколько фигур, в комнате с проломом захрустело крошево под ногами у инспектора и покидающих здание бойцов, а когда шаги стихли, лидер «Судного дня» снова заговорил, но теперь негромко и деловым тоном, без ноток идеологической истерики в голосе:

– Гимаев, Князь и Кутузов, вызывайте свои группы, располагайтесь на позициях по всему маршруту, от цеха, до бункера. Остальные со мной в цех. Изделие надо переместить в бункер

как можно скорее. Не управимся к утру, можем остаться на бобах. Этот инспектор явно заговаривал нам зубы.

– Думаешь, покровители решили нас кинуть? – спросил кто-то из бойцов.

– Так точно, Князь. Но из бункера им изделие не выудить.

– Так, может, сразу к тамбуру и... алло... досрочный судный день?

– Отставить. Оболочка не готова. Надо ещё дня три. К седьмому числу, думаю, управимся. А там... с божьей помощью. Все кругом, справа по одному на выход шагом марш!

Сухов поймал себя на мысли, что больше не задерживает дыхание, хотя степень опасности ничуть не уменьшилась. Просто теперь эта опасность обрела конкретные формы и даже далеко идущие планы. Всё услышанное лейтенантом казалось поначалу искусственным, каким-то отрывком из кино про заговорщиков, Сухов и не предполагал, что такие интриги могут плестись в реальности. Но к финалу лейтенант уже не сомневался, что подслушал не какую-нибудь легенду учений или иносказательную перепалку местных дельцов, а беседу, в которой обсуждался настоящий заговор. Без дураков. Павел больше не сомневался, что всё очень серьёзно и ему удалось раздобыть крайне важную информацию. Теперь лейтенанту следовало как можно быстрее найти способ поделиться этой информацией с кем следует, лучше всего прямо с начальником контрразведки майором Бойковым. Но как это сделать, если м-связь недоступна, а выбраться из самого центра контролируемой «Судным днем» территории практически невозможно? Тут требовалось найти какое-то нестандартное решение. И Сухов лихо радочно пытался его найти, но в голову лезло что угодно, кроме толковых тактических схем.

«К утру! Апостол сказал, надо управиться к утру! Они хотят перепрятать бомбу до утра. Но пока она где-то поблизости, в каком-то цеху. Что же делать? Пойти за ними и точно выяснить, где расположен цех? И что дальше? Может быть, там заработает связь? А если нет? Бросить гранату, в надежде, что чистильщики засекут вспышку и придут проверить обстановку? Не факт, что засекут, да и если так, примчатся они нескоро и малыми силами. Эти волкодавы вмиг уделают патруль, а трупы потом подбросят куда-нибудь в Припять. Точно, как меня кто-то подбросил сюда. Нет, привлекать внимание нельзя, надо всё окончательно прояснить и как-то выбраться. Пусть и не к утру, хотя бы до дня «Д». До седьмого числа. Стоп... а сегодня какое? Если ориентироваться на слова Апостола, сегодня должно быть третье или четвертое марта. Непонятно. Мы застряли в Припяти пятого, сутки провели под обстрелом, щетина у меня трехдневная, получается, седьмое уже прошло? Но как это состыковать со словами «надо еще три дня»? Вообще ничего не понятно! Впрочем, сейчас важнее другая проблема. Что же всё-таки делать, идти за бойцами или попробовать уползти отсюда напрямиком на базу?»

Павел отлично понимал, какому серьёзному риску он подвергнет себя, если увяжется за бойцами «Судного дня», или коротко – «СД», как успел лейтенант сократить название группировки. Едва выкрутившись из одной истории, ввязываться в другую, не менее опасную, лейтенанту не хотелось, но воинский долг требовал идти до конца, и дисциплинированный Сухов не мог переступить через свои принципы. Он отбросил мысли о незаметном отступлении и медленно двинулся по коридору. Когда лейтенант добрался до двери в комнатку с проломом, звуки шагов удаляющихся бойцов «СД» почти стихли. И всё-таки Павел успел засечь направление. Через пролом он увидел мелькнувший вдалеке пятнистый плащ. Лидер группировки и его бойцы обогнули воронку справа и ушли по узкой, заросшей автомашинами улочке на север.

Сухов осторожно пересёк комнатку и выглянул из пролома.

– А это что ещё за хрен среди поляны? – вдруг послышалось откуда-то справа.

– Мочи его, Чех!

– Не наш, что ли?

– Вот ты тупой! Чистильщик это!

Павел медленно повернул голову вправо и замер. Надо же так вляпаться! Он совершенно забыл, что Апостол отряжал некоего Чеха и ещё троих, чтобы те проводили инспектора до

точки подхвата. Видимо, точка эта располагалась не слишком далеко, и долго ждать транспорта, который «подхватит» и унесет инспектора за Барьер, на точке не пришлось.

– Откуда тут красные, очнись! Да ещё такие чумазы! Это приبلудный какой-то забрёл. Он, может, работу ищет, а ты сразу мочить. Эй, сталкер, сюда шагай. Чего лупетки выпучил? Тебе говорю, клоун!

Сухов резко сдал назад и бросился в темный коридор. Только очутившись в том самом углу, где он прятался, пока шел диспут между лидером «СД» и инспектором, лейтенант понял, что попал в ловушку. Из коридора и примыкающих комнат существовал лишь один выход, через пролом. Прямоком в объятия к Чеху и компании.

Павел невольно нащупал в кармане гранату и сделал последний шаг назад. Спина и левой пяткой лейтенант уперся в перегородившую коридор плиту, но правая нога не наткнулась на препятствие. Сухов пошарил в темноте рукой и на ощупь определил, что рухнувшее перекрытие не полностью завалило просвет коридора. Плита будто бы перечеркнула коридор наискосок, и между полом, частью левой стены и плитой остался треугольный лаз. Лейтенант, не раздумывая, согнулся в три погибели и на четвереньках полез в найденную нору. Было бы неплохо подсветить и выяснить, чем заканчивается этот лаз. Если тупиком, Сухов мог считать, что нашёл для себя удобный склеп. Но осветить Павел не мог – нечем, а функцию ночного видения вживлённый компьютер не поддерживал, равно как все другие функции. Молчал как партизан. Лейтенант небрежно отбросил с пути нескольких суетливых скарабеев, легонько, скорее для острастки, пристукнул стволом «Шторма» стальную крысу и заработал руками и коленями в полную силу, даже не пытаясь передвигаться без лишнего шума.

– Куда делся?! – послышалось сзади. – Спилберг, ты его видишь?

– Сам ты Спилберг! Не вижу. Вон там, кажется, шуршит.

– Нет, ты понял, какое ловкое мясо? Такие шустрые нам нужны.

– Вот заладил. Сдался он тебе. Брось в дыру гранату и пойдём.

– Нет, Лукас, этот нам точно пригодится, надо его достать. Командир давно такого искал. Для оболочки.

– У него ведь есть кандидаты.

– Дохнут все. Измочаленные, Зоной попорченные. А этот видишь, шустрый, значит, здоровый, – голос Чеха сделался громче, видимо, боец присел и заглянул в лаз. – Эй, парень, выползай из норы, не ссы! Работа есть, за деньги, слышь!

– Влепит сейчас тебе пулю в глаз, – пробурчал Лукас-Спилберг.

– Спокойно, Тарантина, мы с ним договоримся.

Павел так и не уловил, как же на самом деле зовут второго бойца и почему молчат остальные соратники Чеха, но это его и не особенно интересовало. Ему оставалось проползти метров пять, впереди уже брезжил сумеречный свет выхода. Лейтенант поднажал, вывалился из лаза на другой стороне завала и сразу же понял, почему позади не звучали голоса ещё двух бойцов.

– Быстро ползаешь. – Один из бойцов выхватил у лейтенанта винтовку, а другой схватил Сухова за ворот и усадил на колени. – Руки на голову!

У лейтенанта в животе неприятно ёкнуло. Он не испугался этих бойцов, но ему до жути не хотелось получить обещанную Чехом «работу». Стать какой-то там «оболочкой» непонятно для чего... Хотя почему непонятно? Лидер группировки намекал, что Узел не сумеет распознать бомбу. Не потому ли, что Апостол собирался каким-то образом замаскировать её с помощью человека-оболочки? Каким образом? Это уже другой вопрос. Вставит бомбу вместо потрохов или замаскирует под конечность, ведь современный фугас это достаточно портативная игрушка. Сухов представил, что в той части живота, где сейчас сжимается тугой, прохладный комок, вскоре будет тикать часовой механизм бомбы, и поёжился. Нет уж, господа «эсдисты», или садисты, что тоже верно, так не пойдёт!

Павел, сам толком не понимая, что делает, вдруг запустил правую руку в левый рукав и выдернул из спрятанных внутри рукава ножен штатный армейский нож. Стоявший поблизости боец явно не ожидал от пленника такого фокуса. Наверное, слишком уж растерянным выглядел Сухов ещё полсекунды назад. Вояка не успел ни отпрыгнуть, ни нанести упреждающий удар, ни хотя бы отшатнуться. Сжимающая нож рука лейтенанта неумовимо быстро скользнула вниз, а затем взлетела вверх и ударила точно, хлестко, словно короткая нагайка. Вот только вместо хвоста «плётка» заканчивалась ножом. Удар получился достаточно сильный, чтобы нож пробил ткань лёгкого боевого костюма в районе паха. Боец вздрогнул всем телом, а в следующий миг будто бы окаменел. Он не падал, даже не шатался, просто замер, и теперь стоял, как столб, негромко сипя от адской боли.

Второй боец отреагировал быстро: отпрыгнул в сторону, вскинул импульсник, но прицелиться и выстрелить ему мешал обездвиженный товарищ. Сухов тем временем выдернул из кобуры на поясе у первого бойца запасной пистолет «Страйк» и разрядил его во второго бойца. Первый «эсдист» загоразивал весь обзор, поэтому стрелял Павел наугад, но так, как его учили. Положил все пули наискосок, сверху вниз, так что шансов у второго противника не осталось. Если «стреляться на пяти шагах» таким немудрёным, но эффективным способом, то хотя бы одна из десяти пуль непременно найдет цель.

Сухову не доставляло удовольствия наблюдать за агонией людей, пусть и врагов, поэтому он сразу же бросил «Страйк», выхватил «Шторм» у первого бойца (тот уже обмяк и, теряя сознание, начал оседать на землю) и бросился наутёк. Сначала в голове мелькнуло сожаление, что оставил нож, но в следующий миг все сожаления развеялись. Сухов правильно сделал, что не промедлил ни секунды. Едва он перемахнул через невысокий кирпичный завал, за спиной раздался негодующий вопль и над головой Павла просвистели сразу несколько пуль.

– Ах, ты тварь! – взревел Чех, появляясь на месте схватки. – Я тебе жопу до темечка порву!

– Говорил же, мочи его сразу! – срываясь на фальцет, крикнул боец с тремя прозвищами.

– Гимаев, на связь! – рявкнул Чех. – К твоим позициям залётный бежит! Двоих наших завалил! Мочи его!

Павел не мог услышать, что ответил Чеху Гимаев, но в любом случае это было не «Простим его, пусть уходит с миром». Догадка подтвердилась, как только Сухов выбрался из руин кирпичного дома и начал петлять по узкой тропе между обломками внутри остова дома бетонного, щедро увитого жестяными лианами. Бойцы Гимаева занимали позиции где-то у северной стены и смотрели в другую сторону. Сухов бежал фактически по их тылам. Но это ничуть не помешало воинам Гимаева откликнуться на просьбу Чеха. Часть бойцов сменили позиции и открыли беглый огонь по движущейся мишени.

Как Сухову удалось в течение целых десяти секунд продержаться под плотным обстрелом, да не лёжа в укрытии, а передвигаясь в ритме вальса между бетонными обломками, история умалчивает. Но факт остается фактом. К великому разочарованию и Чеха, и Гимаева, беглец выскользнул из руин бетонного строения и нырнул в плотные заросли металлорастительности.

– Красный... – донеслось издалека. – Так точно! Наверняка шпион! Есть! Гимаев, отряжай десять со мной, командир приказал!

– Первое отделение!

Больше Павел ничего не разобрал, он продирался сквозь жестянку и из-за собственного шумного дыхания, скрежета ветвей и визгливых рикошетов не слышал больше никаких звуков, даже громких криков и топота. Двигался Сухов на север, отлично понимая, что это не самое лучшее направление, ведь Апостол увёл свою команду именно в северном направлении. Но выбирать лейтенанту снова не приходилось. Сейчас Сухову требовалось оторваться, а уж после он мог и скорректировать маршрут.

Жестяные заросли немного расступились, но лишь для того, чтобы показать лейтенанту, что надеяться ему особо не на что. В просвете зарослей маячила высокая закопчённая стена очередного строения. Павел попытался обойти препятствие справа, но там жестяные джунгли сплелись в абсолютно непроходимую чащобу. Пришлось лейтенанту двинуться вдоль стены влево.

Идти пришлось недолго. Там же, где закончилась стена, закончились и заросли. Взгляду Сухова открылась большая поляна, сплошь усеянная обломками всевозможных биомехов. Непонятно, почему их не утилизировали вездесущие скорги. Быть может, в этом местечке зиял какой-то невидимый провал в зональном энергетическом поле? Что ж, заодно эта версия легко объясняла бы и отсутствие жестяной растительности на поляне по площади не меньше футбольного поля. Но почему-то Сухову казалось, что эта версия несостоятельна. Он отлично видел снующих по всей поляне стальных крыс и всевозможных скоргов, «чугунных насекомых», а значит, какое-никакое энергополе здесь присутствовало. Да и ростки автонов пробивались сквозь плотный ковер покорёженных и обгорелых запчастей от биомехов. Полигон?

Пожалуй, этот вариант выглядел более реальным. Любому военизированному подразделению требуется хотя бы стрелковый тир, а лучше полноценный полигон. Среди чернобильских руин развернуться особо негде, так что и этот бывший стадион годился на роль стрельбища. А что касается мишеней, как раз это в Зоне не проблема. Бойцам «СД» даже не требовалось напрягаться, чтобы принести и установить мишени. Биомехи наверняка приходили сюда сами.

Павел остановился на краю стрельбища, лихорадочно раздумывая, идти дальше через поле или двинуть по опушке, а то и вовсе обойти это коварное местечко под прикрытием жестянки. С одной стороны, бежать по открытому пространству представлялось самым быстрым и выгодным вариантом, но с другой стороны, если «СД» вырулит напрямик на привычные стрелковые рубежи, спасти Сухова не сможет никакое чудо. У бойцов «СД» на этом поле наверняка пристрелян каждый квадратный сантиметр.

Сухов постарался задержать дыхание и прислушался. Скрежет автонов и топот ног преследователей доносились откуда-то с юго-востока. Значит, бойцы «СД» не мудрили, придумывая всякие перехваты или обходные маневры, а шли точно по следам лейтенанта. Что ж, в таком случае о чем раздумывать? Вперёд на максимальной скорости!

Павел вручную, с резервного пульта переключил на максимум встроенные в легкий боевой костюм сервоусилители и помчался через поле всё в том же северном направлении.

Вернее, стартовал в северном направлении. Реально помчаться ему помешал отчетливый, почти осязаемый тревожный сигнал, который отправило разуму подсознание. Сухов ещё не успел сообразить, в чём проблема, а ноги будто бы сами затормозили и врубили задний ход. На северной опушке жестянки явственно зашевелились ветки. Кто-то или что-то проламывалось сквозь чащу и собиралось вот-вот появиться на поляне. Но ведь и сзади Сухова ждали вовсе не пряники с газировкой. Топот нагоняющих бойцов «СД» лейтенант слышал уже вполне отчетливо.

Сухов резко развернулся вправо и побежал по полю на восток, стараясь держаться в паре метров от зарослей, в которые надеялся нырнуть, если (а точнее – когда) ситуация осложнится окончательно.

Теоретически лейтенант сделал всё правильно, а вот на практике с планами у Сухова вновь вышла незадача. Они рухнули, как всегда, в самый неподходящий момент. На восточной окраине поля, метрах в ста позади лейтенанта, появились бойцы «СД», а секундой позже прорвались джунгли с северной стороны, и из них высыпали... правильно, тоже бойцы «СД». Павел тут же похвалил себя за проницательность и бросился вправо, в кусты, но не тут-то было! Вдруг выяснилось, что вот уже метров двадцать лейтенант бежит не вдоль зарослей металлорастительности, а вдоль увитой лианами стены, видимо, той самой, которая прегра-

дила ему путь, когда он только подходил к стадиону-стрельбищу. Всё, что оставалось Сухову в такой ситуации, – поднажать, ведь прямо по курсу автоны росли свободно, не прижимаясь к стенам, а занимая просвет очередной улочки. Одна беда, до очередных спасительных зарослей оставалось метров сто. Даже с учётом помощи сервоусилителей, не меньше шести-семи секунд чистого времени. Более чем достаточно, чтобы преследователи прицелились и открыли шквальный огонь.

Сухов снова почувствовал себя нехорошо. От предчувствия неминуемой гибели у него даже потемнело в глазах. И бежать стало труднее, будто бы в лицо ударил порыв ураганного ветра, который сначала притормозил беглеца, а затем чуть и вовсе не опрокинул.

Неожиданно над головой что-то оглушительно загрохотало, да так, что подпрыгнули все внутренности, и сгустившуюся темноту (как оказалось вовсе не в глазах у Сухова, а всеобщую) разорвала ярчайшая вспышка. Павел невольно поднял взгляд к небу и также непроизвольно сбросил темп, а затем и вовсе остановился. Такого он не видел ещё никогда в жизни.

Над полем очень низко висела огромная фиолетовая туча. Не настолько огромная, чтобы закрыть всё небо, но достаточно большая, чтобы почти превратить пасмурный день в ночь. Свет на поле всё-таки падал, но лился он только через узкое пространство, оставленное тучей почти над линией горизонта. Впрочем, света хватало и так. Сухов отлично видел клубящиеся подбрюшье тучи, которое казалось перламутровым и сверкало в глубине миллиардами маленьких искорок. Между клубами на поверхности тучи то и дело проскакивали небольшие синеватые разряды, которые постепенно становились длиннее, ветвистее и будто бы стекались к условному центру на нижней поверхности фиолетового облака. Когда паутина мелких разрядов сформировалась окончательно, из её центра к земле протянулось огромное щупальце гигантской молнии. Окрестности вновь озарила ослепительная вспышка, и лейтенант невольно зажмурился. А затем повторился мощный удар грома. Воздух и земля вздрогнули с такой силой, что Сухов едва удержался на ногах. Во влажном воздухе разлился сильный запах озона, а по зарослям автонов побежали тысячи мелких искорок.

Павел резко обернулся и нашёл взглядом место, в которое ударила молния. Оказалось, что удар пришелся точно в центр поля, и поскольку ближе к центру оказались преследователи, им крупно не повезло. Несколько бойцов валялись бесформенными мешками в десяти метрах от дымящегося пятака, остальные расползались кто куда, оглушенные, ослепшие и, что главное, совершенно небоеспособные.

Сухов попятился, понимая, что таким удачным поворотом событий надо обязательно воспользоваться, но атмосферная аномалия почти загипнотизировала лейтенанта, поэтому, сделав пару шагов назад, он снова остановился. Туча по-прежнему висела над полем, искрила и переливалась фиолетово-перламутровым, но мелкие молнии, ползающие по её клубящемуся брюху, в паутину больше не собирались. Они будто бы ушли в глубь облака и теперь просвечивали светящимися жилками.

Павел вновь опустил взгляд к земле. Несколько преследователей пришли в себя и начали перегруппировку. Лейтенант вновь попятился, и в эту же секунду туча показала новый фокус. Сначала на землю упали несколько крупных капель, а затем из глубин темного облака к земле протянулись тонкие струйки дождя. Причём дождь пошёл почему-то лишь на ограниченном участке, примерно втрое больше отметины от удара молнии. Привычные к дождю бойцы «СД» смело двинулись сквозь эту водяную завесу, добрались до её центра, и вдруг... У Сухова от удивленного буквально отвисла челюсть.

Тонкие струйки внезапно изменили свою структуру и превратились в ледяные иглы: длинные, тонкие, прочные. Иглы стремительно падали из клубящихся недр тучи и пришили бойцов к земле, словно каких-то насекомых. Вояк «СД» не спасали ни броня, ни манёвры. Сухов отчетливо видел, как ледяные иглы пробивают прочнейшие доспехи и шлемы, как про-

шивают даже импульсники в руках у воинов. И что самое ужасное, сделав своё чёрное дело, иглы не исчезали. Они втыкались в землю и торчали, как двухметровый ледяной частокол.

Уцелели в этом кошмаре только бойцы второй линии, которые не успели войти в опасную зону, а, когда начался ледяной дождь, поспешно отошли. Все, кроме лидера группировки, который прибыл на поле собственной персоной в составе арьергарда. В полумраке коридора Сухову не удалось толком разглядеть Апостола, но сейчас лейтенант почему-то точно знал, что видит именно лидера «СД». Очень уж Апостол выделялся из толпы своих подручных: и осанкой, и бесстрашием, и особым холодным, уверенным взглядом. Одна из игл воткнулась в землю в каком-то сантиметре от его ноги, но Апостол даже не повел бровью. Он уставился на Сухова, как кролик на удава, будто бы пытаясь остановить беглеца с помощью гипноза, раз уж у бойцов «СД» сорвалось преследование.

Очень скоро ледяной частокол перекрыл видимость, но перекошенное злобой лицо Апостола ещё долго стояло у Сухова перед глазами. Что ж, Павел вполне понимал чувства командира бандгруппы. На кону стояла судьба такой грандиозной операции. Всё шло без сучка без задоринки, и вдруг какой-то случайный свидетель решил всё испортить. И ведь испортит, как пить дать, если доберётся до Барьера или хотя бы до ближайшего патруля чистильщиков.

Атмосферная аномалия в этой ситуации выступила на стороне Сухова, и этот факт наверняка окончательно взбесил лидера «СД». Очень уж злым стало у него лицо. Да, случайность, да, просто не повезло, со всеми бывает. Но кому это интересно? Дела оценивают по результату. Если дело сорвется, количество непреодолимых трудностей никто подсчитывать не будет. Просто скажут: Апостол облажался, больше ему доверия нет. И конец карьере. А результат дела теперь явно оказался под большим вопросом. В общем, Павел почти не сомневался, что Апостол продолжит преследование и теперь уже силами всей группировки. Терять ему теперь почти нечего. А значит...

Лейтенант резко развернулся и бросился в заросли. А значит, пока есть фора, её надо использовать! А сколько народу бросится по пятам, вопрос другой. На два десятка меньше, чем могло бы, спасибо атмосферной аномалии. И пусть это послужит стимулом или хотя бы утешением.

За спиной снова громыхнуло, не так оглушительно, как прежде, зато раскатисто, несколько раз подряд, а затем на землю обрушился настоящий водопад. Да что там какой-то водопад! Над полигоном начался ливень, с которым не сравнятся и десять водопадов. Сухов на миг оглянулся. В трех сотнях метров позади него стояла плотная белая стена падающей с неба воды. Оставшихся на поле бойцов «СД» наверняка смыло этой водной лавиной и унесло, как минимум, к той самой воронке, из которой выбрался лейтенант в начале своего пути по закоулкам города-призрака.

Сухов покачал головой. Удача ему выпала какая-то нереальная. Как бы не пришлось платить за неё по слишком высокой цене. С другой стороны, должно же человеку когда-то повезти. До сих пор лейтенанту Сухову если и везло, то лишь по мелочам: то безнадежную партию в шахматы вдруг вытянет, то какую-нибудь достойную вещь по дешёвке купит на сетевом аукционе. Но чаще лейтенанту всё-таки доставалось нечто среднее: с одной стороны, ничего плохого, но и ничего хорошего. То есть на то, чтобы называться удачей, это никак не тянуло. И уж тем более Сухову никогда не везло вот так, действительно по-крупному: находился на волосок от гибели, и вдруг на помощь пришла сама природа. Просто чудо какое-то.

В памяти у лейтенанта, где-то очень глубоко, вдруг шевельнулось какое-то смутное воспоминание. Павел будто бы знал нечто важное, что напрямую стыкуется с темой текущих размышлений. Знал, но почему-то никак не мог вспомнить. Может быть, ему уже везло? И тоже крупно? Почему же не запомнилось?

Заросли жестянки сделались почти непроходимыми, поэтому Сухову вновь пришлось искать обходной путь. Над автонами слева и справа нависали одинаково унылые остовы пяти-

этажек, заваленных по третий этаж мусором. Карабкаться по этим грудам хлама означало терять время, но и пробиваться сквозь жестянку Сухову представлялось не лучшим вариантом. Использовать «фрич» ему не хотелось, полезный артефакт мог ещё пригодиться в бою. Что оставалось? Только карабкаться.

Павел двинулся вправо, пробился к развалинам пятиэтажки и вдруг обнаружил тропу. Узкая, поджатая с одной стороны автонами, а с другой стеной дома тропка вела не туда, куда направлялся Сухов, но и не совсем уж в сторону. Павел рисковал сделать крюк, зато ему не требовалось пробиваться сквозь заросли. По времени то же самое, но сил потратится меньше, выгода очевидна.

Сухов сделал несколько шагов по тропе и остановился. На этот раз его притормозило не скверное предчувствие, как на полигоне, а что-то другое. Какой-то звук. Странный и совершенно неуместный в таких гиблых местах. Сухов показалось, что он слышит женский смех. Он звучал где-то вдалеке, едва слышно, но Сухов точно знал, что ему не послышалось. Через несколько секунд звук повторился, и лейтенант понял, что не ошибся. Он слышал женский голос, вот только загадочная женщина не смеялась, а скорее рыдала и что-то истерично выкрикивала, наверное ругательства.

Павел покачал головой. Кого только не занесёт в Зону. Следующей мыслью стала благодарная идея прийти женщине на помощь, ведь она явно вляпалась в неприятности. Но всхлипывания и вопли вдруг стихли, и сколько ни прислушивался Сухов, больше ничего странного он не услышал.

Что ж, такова жизнь в Зоне. Да и не только в Зоне. Все умирают в одиночку. Жаль, конечно, незнакомку, но что поделаешь? Особенно щекотало Сухову нервы то, что где-то поблизости вероятно погибла именно женщина. Для лейтенанта этот нюанс имел особое значение. Ведь кто, как не боевой офицер должен приходить на выручку прекрасной даме? Но теперь уже Павел ничего не мог исправить. Теперь ему следовало снова сосредоточиться на собственном спасении.

Сухов двинулся дальше по тропе и вскоре убедился, что выбрал верный путь. Автоны вдруг расступились, и взору Сухова открылся вид на излучину реки. Лейтенант бросил взгляд влево. Всё правильно. Слева виднелись остатки причалов и складов бывшего речного порта. Павел серьёзно отклонился от маршрута к юго-востоку, но теперь это не имело значения. Чернобыль остался позади. Город-призрак, город, полный аномалий, заговорщиков, непонятных звуков и биомехов...

Сухов запнулся на странной мысли. А ведь никаких биомехов он не встретил, хотя пересёк почти половину города! Мелкие твари не в счет. Лейтенант просто не мог не повстречать хотя бы шагающих ботов или «расплодившихся» в последнее время сталтехов. Но ни шагающими, ни колёсными биомехами на маршруте даже не пахло. И это следовало считать ещё одной странностью, ничуть не меньшей, чем удачно налетевшая непонятно откуда туча-убийца или женская истерика среди радиоактивных руин мёртвого города.

«И не следует забывать о первой странности, о мистическом перемещении из Припяти в центр Чернобыля, – подумалось Сухову. – По отдельности всё это можно, конечно, списать на странности Зоны, но, когда странностей становится по штуке на погонный километр... стоит задуматься. Вот только о чём? Как правильно сформулировать вопросы?»

В ответ на собственные мысли лейтенант лишь пожал плечами и бодро двинулся вдоль излучины реки вверх по течению. Насколько он помнил, где-то там, чуть дальше порта, располагался блокпост чистильщиков. Прямо перед печально известной понтонной переправой. Той самой, на которую раз в месяц, как по часам, совершали налёт драконы.

Летающие биомехи с завидной регулярностью разносили переправу в щепки, но чистильщики разворачивали новые понтоны и ровно месяц пользовались переправой не испытывая никаких проблем. Затем всё повторялось. И никакие контрмеры ничего не давали. Если воен-

ные пытались усилить блокпост средствами ПВО, биомехи сначала атаковали силами бронезавров и прочей наземной техники, а уж после прилетали драконы. Если же переправу пытались прикрыть «вертушки», просто прилетало вдвое больше драконов, и пока часть летающей железной нежити билась с вертолётами, другая часть бомбила понтонные. В общем, мартышкин труд. Что с одной стороны, что с другой. Одни бессмысленно бомбили понтонные, другие бессмысленно пытались их защитить. Даже выражение такое появилось года три назад, сначала в Чернобыльской бригаде, а затем разошлось и по всей Барьерной армии: «Бомбить понтонные», то есть тупо выполнять ценные указания, которые непонятно кто и когда давал, поэтому все давно забыли в чем их смысл. В армии такое тоже часто бывает.

Сухов успешно спустился с пригорка почти к самой воде и двинулся мимо длинных, частично обрушенных портовых складов. Груды замшелого битого кирпича, мусор и зола мешали двигаться по прямой, приходилось маневрировать, но плюсы в таком способе передвижения нашлись довольно быстро. Словно исправляя допущенную оплошность, злодейка-судьба вдруг подкинула Сухову новое испытание. Едва Павел выбрался на дорогу, которая когда-то вела к главному причалу, со стороны городских руин послышался тяжелый мерный топот и лязг гусениц. Сухов бросился к ближайшим развалинам, но укрыться не успел. Из жестянки, прикрывающей окраину города, появились биомехи. Не слишком много, всего один бронезавр, три или четыре бывших грузовика-носорога и десяток шагающих ботов-андроидов, типичный патруль, но, чтобы уничтожить одинокого ходока, большого количества чугунок и не требовалось. Завидев бегущего человека, машины мгновенно развернули башни в сторону Сухова и открыли огонь. Павлу пришлось броситься на землю и уже ползком преодолевать оставшиеся метры до спасительных кирпичных руин очередного склада.

Впрочем, спасительными развалины выглядели только издалека. Во-первых, снаряды крупнокалиберных пушек бронезавра и носорогов легко прошивали старые складские стены, а во-вторых, Павла внутри строения радушно встретили биомехи ещё одного вида, «домовята».

В Старой Зоне эти небольшие, но опасные железки встречались редко. Гораздо реже, чем в Московской, Питерской или Новосибирской локациях. Пожалуй, даже реже, чем в Крыму. Всё потому, что Чернобыльскую локацию Зоны очистили от мелкой бытовой техники ещё старые сталкеры, задолго до Катастрофы 2051 года. А в «домовятах» Узел превращал именно бывшую бытовую технику: от пылесосов и микроволновок до холодильников и домашних роботов-стюардов. Чаще всего то, что попадало на «модернизацию» в Узел, впоследствии выбрасывалось через те же тамбуры, в которых исчезало. Московский хлам возвращался в виде зубастых и стреляющих монстров в Москву, Новосибирский – в Академгородок, где располагался тамбур самой восточной локации Зоны Смерти, и так далее. Бывали забросы не по адресу, но такое случалось редко.

В общем, засада мелких чугунок стала для Сухова полной неожиданностью. Но это не помешало лейтенанту отреагировать на опасность грамотно и достаточно хладнокровно. Одна беда, после того, как он несколькими короткими очередями развалил на запчасти три бывших кухонных комбайна – теперь они выглядели как приземистые зубастые твари, вроде собак, так и норовившие оттащить Сухову что-нибудь, на их взгляд, лишнее, – на счетчике боезапаса высветился ноль. Как назло, добытый в неравном бою модернизированный «Шторм» тоже оказался заряженным лишь наполовину. А между тем Сухов оставался нос к носу ещё с двумя биомехами, более крупными, прямоходящими и гораздо лучше вооружёнными. Да и чугунный патруль уже подошёл почти вплотную.

Лейтенант сунул руку в карман и почувствовал прохладное покалывание обволакивающего кисть «фрича». Павел мог бы достать из другого кармана гранату, но решил приберечь её для тяжёлых врагов. В конце-то концов, всего два каких-то шагающих холодильника... или чем там они были в «прошлой жизни»?

Чем бы ни были изначально оставшиеся «домовята», в их арсенале оказались не только стальные зубы, но ещё и остро заточенные лезвия, цепи, которыми они хлестали, как плётками, и даже диски, похожие на запчасти для циркулярной пилы, только небольшого диаметра. Этими запчастями биомехи очень даже ловко швырялись, предварительно раскручивая их до скорости древнего лазерного CD.

Сухов увернулся от десятка снарядов, выпущенных «домовятами», в три прыжка сократил дистанцию и от души врезал ближайшему биомеху по корпусу. Металл в средней части корпуса биомеха мгновенно потемнел и со звоном рассыпался на мелкие кусочки. Верхняя часть машины рухнула на землю, а нижняя осталась стоять, впившись железными когтями в чёрно-красную от кирпичной пыли и сажи землю. Второй робот сам атаковал Сухова, его стальные когти проскрежетали по броне на груди у лейтенанта, а длинное лезвие вонзилось Павлу в левое предплечье. Сухов взвыл от боли и сначала ударом «фрича» сверху вниз обломил чугунку когтистую конечность, а затем наотмашь врезал ему по корпусу. Второй удар оказался лишним. «Заморозка» после первого удара подействовала на всего биомеха целиком. Он весь потемнел и распался на осколки, которые всё с тем же хрустальным звоном осыпались на землю. Почему так случилось, Павел не понял, да и не особо заинтересовался этой новой странностью. Мало ли? Гораздо больше Сухова сейчас интересовала дистанция, на которую успели подойти тяжёлые биомехи.

Лейтенант заглянул в ближайший пролом и тут же отпрянул. Чугунный патруль подошёл уже очень близко. Ещё три-четыре секунды, и он окажется на расстоянии броска гранаты. Сухов присел у стены, спрятал «фрич», вынул из другого кармана серебристый цилиндр и трижды нажал кнопку активации гранаты, выставляя время задержки срабатывания. Затем сдвинул защёлку-чеку и мысленно отсчитал «лишние» секунды: три... две... Сухов резко поднялся в полный рост и швырнул гранату точно в центр приближающегося строя биомехов, прыжком в бронезавра. Теперь следовало так же резко присесть, а лучше сразу упасть на живот и уползти куда подальше. Но Сухов вдруг понял, что это будет бессмысленной суетой. Никуда он не уползёт. Не успеет. А всё потому, что биомехи не задержатся по ту сторону стены ни на секунду. Граната ещё летела, а Сухов уже понял, что она не взорвётся. На донце, противоположном кнопке активации, не светился красный огонёк. Это означало, что электронный детонатор боеприпаса неисправен.

– Твою мать, – сквозь зубы процедил обычно корректный и воспитанный Сухов.

– Летёха, ложись! – вдруг заорал кто-то из развалин соседнего склада.

Сухов бросился на землю. По-прежнему без особой надежды на благоприятный исход, просто потому, что получил приказ. В ту же секунду на патруль биомехов обрушился шквал огня. Вернее, свинца и стали, а ещё начинённых «фричем» гранат. Обстрел получался не из дешёвых, боеприпасы с «фричем» считались дефицитом, но поскольку Сухов залёг в каких-то пяти-семи метрах от чугунков, применять плазменные боеприпасы люди не могли. А одним только свинцом и лазерами бронезавра и носорогов не взять. Как понял Сухов, чугунки попытались огрызнуться, они мгновенно перенесли огонь на новую цель, но песня их пушек звучала недолго. Всё-таки против «фрича» биомехи так и не придумали защиты. Люди придумали – они покрывали броню активным пластиком, на который «фрич» не реагировал, поэтому друг против друга боеприпасы с «фричем» люди почти не применяли, – а чугунки нет. То ли пластик делать не умели, то ли что-то ещё им мешало, непонятно. В общем, не прошло и десяти секунд, как огненная канонада стихла в связи с полной победой людей, пришедших на выручку Сухову.

Лейтенант поднялся с земли, стряхнул с себя изрядное количество кирпичного крошева и обернулся в сторону соседнего склада. Через узкую площадку между строениями топали, закинув импульсники на плечо, чистильщики. На этот раз настоящие. Сухов понял это не

только по экипировке. Он лично знал половину этих бойцов. И лучше всех – командира, лейтенанта Кабанова. С ним лейтенант Сухов служил в одном батальоне вот уже три месяца.

– Ё-моё, Сухов! – Кабанов запрыгнул на остатки стены и недоверчиво уставился на Павла. – Здорово! А мы тебя списали, ёпрст! Ты где пропадал?

– Сам не знаю, – Сухов слабо улыбнулся. – Привет, Витёк.

Кабанов спрыгнул со стены, сгрёб Павла в охапку и похлопал по спине.

– В Узле, что ли, загорал, чертила?! Так ты теперь у нас жжёный?

– Говорю же тебе, не знаю, – Павел развёл руками. – Очнулся, лежу посреди Чернобыля, целый, почти боеспособный. Встал, пошёл, и вот... пришёл.

– Да, тяжёлый случай, – Кабанов усмехнулся и слегка подтолкнул Сухова к пролому. – Туда давай, пока чисто. Повезло тебе, что мы с блокпоста решили выйти на разведку.

– На блокпост пойдём?

– Куда ж ещё?

– Тут такое дело, Витёк... надо бы мне со штабом связаться, а у меня имплант завис. Не пойму, что с ним случилось, но молчит как рыба.

– А ещё говорят, в Узле импланты оплавляются, крутыми становятся и супер-пупер надёжными, – Кабанов усмехнулся.

– Не факт, что я в Узле пропадал, – Сухов покачал головой. – Я ведь не у тамбура очнулся, а здесь.

– Вот это всё ты не мне рассказывай, – Кабанов поморщился. – Ты же знаешь, Паша, я во все эти премудрости не вникаю. Так и проще, и спокойнее, ёшкин кот. Организуем тебе связь, не волнуйся. Что-то выведал, пока сюда шел?

– Вроде того. Мне надо с майором Бойковым переговорить.

– Ё-моё, – Кабанов ухмыльнулся и хитро взглянул на Павла. – Видать, серьезные разведданные, если к самому начальнику «Смерша» хочешь обратиться. Только ты чуток отстал от жизни, Паша, он теперь подполковник.

– Буду иметь в виду.

– Ага, вводи и имей, – Кабанов снова ухмыльнулся и кивнул. – Прямо сейчас и начинай. Во-он там, видишь, за воротами машина. Это его. Подполковника Бойкова. Как по твоему заказу сегодня утром прибыл. Встреча у него тут с какими-то разведчиками. Не с тобой?

– Нет, я сам по себе... – Сухов задумчиво взглянул на товарища. – Как по моему заказу... странно.

– Какой-то ты загруженный, Паша, – проронил лейтенант Кабанов неодобрительно. – Может, ну его, это начальство, в дупло? В столовку, в душ, а потом в койку часов на десять. Ну, чтоб рапорт в голове улежался. Потом самому же проще будет излагать.

– Нет, Витёк, срочное дело. Изложу, как получится, а там пусть Бойков разбирается. Это его работа.

– Как знаешь, – Кабанов накинул капюшон. – Достал этот дождь, ёпрст. А над центром вообще гроза сверкала, видал?

– Видал. Бандитов смыло, как корова языком... того.

– Бандитов? – Кабанов заинтересованно уставился на Сухова. – Ты успел и с местными повстречаться? Во, даёшь!

– Вроде того. Только это не местные. Группировка новая. Под наших замаскированы. «Судный день» себя называют. Слышал о таких?

– Опаньки! – Кабанов снова слегка подтолкнул Павла. – Тогда тебе точно к Бойкову. И поскорее.

Кабанов нахмурился и почему-то умолк. Сухова удивило, каким вдруг серьёзным делался приятель, но расспрашивать Кабанова он не стал. До блокпоста оба хранили напряжённое молчание. А когда очутились на территории, Кабанов и вовсе лишь махнул рукой, указы-

вая на штабное здание, а сам торопливо двинулся в караулку, на ходу негромко отдавая какие-то распоряжения своим бойцам.

Перед входом в приземистое здание штаба стоял сержант в стандартной униформе чистильщика, но с шевроном морской пехоты на рукаве. Павел вдруг вспомнил, что раньше Бойков служил начальником разведки в штабе адмирала Колесника. Видимо, на новой должности подполковник опирался на старые проверенные кадры.

«Что ж, возможно, это к лучшему».

При виде морпеха у Сухова в голове вдруг сложилась кое-какая мозаика, и у него возникли обоснованные сомнения по поводу надёжности тех, кто слишком давно служил в Чернобыльской бригаде. Базировались сомнения на одном красноречивом факте. Очень уж организация службы и вообще обстановка в группировке «Судный день» напоминала армейскую. А что, если Апостол и его «покровители» как-то связаны со штабом местной бригады? Если всё так, кадры со стороны, вроде Бойкова и его морских пехотинцев, внушали больше доверия, чем «свои».

– Стой, – смерив Сухова безучастным взглядом, сказал сержант.

– Мне нужно встретиться с подполковником Бойковым. – Павел попытался пройти мимо морпеха, но это оказалось непросто.

– Стой, – спокойно повторил сержант, плечом прижимая Сухова к косяку. – Представься, доложу, а там посмотрим.

– Лейтенант Сухов! Освободите проход, сержант!

– Тарасов, что за шум? – послышалось из бункера.

– Лейтенант Сухов, господин подполковник!

– Неужели? Это какой Сухов, из комендантской роты? Что он здесь забыл?

– Господин подполковник! – крикнул Сухов. – Я не из комендантской! Я командир Пятой отдельной роты чистильщиков!

– Ещё не лучше, – в дверях появился подполковник Бойков.

Сухов смутно помнил, как он выглядит, лично они не встречались с контрразведчиком, Павел видел Бойкова пару раз издалека. Но в общем и целом представление о внешности Бойкова Павел имел. Так что, без сомнений, из недр бункера появился именно тот, кто Сухову и требовался, начальник контрразведки.

– Лейтенант Сухов! Командир Пятой отдельной роты Второго батальона Чернобыльской бригады! Прибыл со срочным рапортом!

– Даже так? – Бойков кивком пригласил Сухова войти.

Лейтенант вошел, ориентируясь на жесты Бойкова, прошел в небольшую комнатку и, также повинувшись молчаливому приказу подполковника, уселся на стул. Бойков сел напротив за потёртый стол, на котором вместо письменных принадлежностей или компьютерных гаджетов в ряд лежали сразу пять частично разобранных «Страйков». Похоже, Бойков, коротая время в ожидании возвращения своих разведчиков, пытался собрать из пяти сломанных «Страйков» хотя бы один действующий.

– Срочный рапорт, говоришь? – Бойков почему-то очень пристально посмотрел Павлу в глаза.

– Так точно! Я увидел и услышал кое-что...

– Где и когда? – перебил его Бойков, между делом запуская руку в ящик стола.

– Здесь, в Чернобыле, в центре... – Сухов осёкся.

Бойков вдруг вынул из ящика шестой «Страйк», вполне исправный и даже на боевом взводе, и направил оружие на Павла. Другой рукой он вынул из кармана небольшой приборчик, что-то вроде карманного фонарика, только с объективом вместо лампочки, и тоже направил на Сухова.

– Ты продолжай, – спокойно сказал Бойков. – Не отвлекайся.

– Я... – Сухов покосился на черный зрачок «Страйка» и сглотнул вязкую слюну. – Я... разрешите доложить... обнаружил место дислокации незаконного вооружённого формирования, которое именует себя...

– Сухов Павел Петрович, лейтенант, двадцать пять лет, уровень Н-заражения средний с плюсом, – пробормотал Бойков и спрятал «фонарик», а затем и пистолет. – Средний с плюсом это нормально. Бывает и хуже. Просканировал тебя, уж извини. Морботы, знаешь, как здорово умеют под людей косить? Не отличишь. Так что ты говорил? Только давай на человеческом языке, без казённости. Договорились?

– Так точно, – Сухов замялся.

– Ты в курсе, что тебя похоронили? – Бойков взял инициативу в свои руки. – Условно, конечно.

– Кабанов сказал, – Сухов кивнул. – Да я и сам догадался. Столько времени отсутствовал. Вон даже зарос весь.

Сухов провёл ладонью по щеке.

– Да, зарос, – Бойков усмехнулся. – Хотя некоторые за это время и посильнее зарастают. Так где, ты говоришь, пропадал?

– Не могу знать, – Сухов развел руками. – В Припяти нас чугунки зажали, почти всех положили. Перед тем как отключиться, я проверил, восемь человек оставалось от роты. А дальше... и меня накрыло. Провалился в темноту. А когда очнулся, гляжу, Чернобыль.

– Чудеса, – проронил Бойков.

– Так точно. Я тоже так подумал. Одно дело просто вырубиться и сутки в отключке проваляться, но ведь тут еще и перемещение в пространстве случилось. Может, на автопилоте пришёл?

– Слишком долго шел, – Бойков отрицательно покачал головой.

– Ну, если сутки провалялся, потом сутки брел...

– Сухов, какой сегодня день? – вдруг спросил Бойков.

– Не знаю, имплант не работает, но должно быть... седьмое марта. Или восьмое?

– Сегодня третье ноября, Сухов, – Бойков снова уставился Павлу в глаза. – Ты отсутствовал восемь месяцев. Так где же ты пропадал всё это время, Павел Петрович?

– Я... – Сухов от услышанного просто обомлел, – не знаю.

– Вот и я не знаю, – Бойков откинулся на спинку стула. – А хотелось бы узнать. Сам-то что думаешь?

– Может... – Сухов опустил взгляд, – может, в Узле?

– Вариант, – согласился Бойков. – Только у тех, кто вернулся из Узла, импланты работают так, что будь здоров. У всех без исключения. А у тебя он завис. Нестыковка получается. Еще варианты есть?

– Нет, – тихо выдохнул Сухов.

– Зато у меня есть, – Бойков снова подался вперед. – Смылся ты, лейтенант, под шумок, да и примкнул к какой-нибудь банде. А потом, когда надоела вольная, но опасная жизнь, решил вернуться. И придумал ты себе легенду. Вшивенькую, надо признать, легенду, банальную. Про героев с частичной потерей памяти знаешь, сколько сериалов снято и книжек написано? Тьма! Затаскан этот сюжетный ход, затёрт до дыр. Поэтому ни в одну из таких историй даже домохозяйки больше не верят. А ты пытаешься целого начальника контрразведки на этой телеге прокатить. Стыдно должно быть, Сухов. В первую очередь за скудость фантазии должно быть стыдно.

– Господин подполковник! – голос Павла предательски дрогнул. – Я говорю правду! Ни в каких бандах я не состоял! Где пропадал восемь месяцев, не знаю! А пришел к вам, чтобы доложить о месте дислокации обнаруженного мной бандформирования, которое называет себя...

– Сухов, хватит тянуть этот баян! – крикнул Бойков, одновременно хлопая ладонью по столу. – Не скажешь правду, устрою тебе прямое подключение. Но тогда пеняй на себя! Толстая игла в мозгу удовольствие ниже среднего, если ты не в курсе.

– Я пришёл доложить о месте дислокации бандформирования... – упрямо набычившись и постепенно багровея от гнева повторил Сухов.

– Достал ты меня, – зло процедил Бойков сквозь зубы. – Тарасов! Уведи арестованного! На сутки его в карцер, чтобы одумался!

Сержант Тарасов сгреб Сухова со стула и заломил ему руки за спину.

– О месте дислокации бандформирования... – упрямо прохрипел Павел, – которое называет себя...

Тарасов резко двинул Сухову локтём в живот, а затем в затылок, отчего у лейтенанта перед глазами поплыли радужные круги, но Павел всё-таки закончил фразу.

– «Судный день»!

Сержант добавил кулаком в бок, Павел попытался прикрыть бок рукой и удар Тарасова пришёлся в левое предплечье, продырявленное клинком биомеха-домовёнка. Лейтенант вскрикнул от боли и за собственным криком не расслышал новый приказ Бойкова:

– ...Тарасов!

Сержант вдруг отпустил Сухова и сделал шаг назад.

– Посади, где росло, – сказал Бойков. – Аккуратно.

Тарасов послушно выполнил новый приказ подполковника. Он поднял опрокинутый стул и усадил на него Сухова. Аккуратно.

– Сухов, повтори, что ты сказал, – строго и недоверчиво потребовал Бойков.

– «Судный день», – морщась и баюкая раненую руку, прошипел Сухов. – Банда Апостола. У них ядерный фугас! Я знаю, где у них база.

– Потрясающе, – Бойков изобразил на лице деланное восхищение и покачал головой. – Изумительно. Bravo, Сухов! Это надо же было Апостолу так тебя обидеть, чтобы после восьми месяцев дружной жизни бок о бок ты решил его сдать. Что вы не поделили, лейтенант? Барыши от продажи фугаса?

– Да пошел ты на хер! – неожиданно для самого себя вскипел Сухов. – Думай, что хочешь, крыса тыловая! Тебе нужен фугас или нет?! Если нужен, идём. Я покажу, где он хранится! Если нет, пусть твой костолом ведёт меня в карцер! И насрать мне на твоё прямое подключение! Выдержу! А потом плюну тебе в морду!

– Вот это уже похоже на правду, – спокойно и немного устало произнес Бойков. – Ты остынь, лейтенант. На войне как на войне. Доверяй, но проверяй.

– Проверил? – Сухов уставился на подполковника исподлобья. – Номер счета сказать, чтобы ты убедился, что я до сих пор не миллионер?

– Видел я твой счёт, – Бойков вяло махнул рукой. – Ноль на нём. Все деньги родным отправлены. Ты ведь покойник, Сухов, забыл?

– Тогда, какого чёрта ты меня мурыжишь? – Сухов успокоился настолько, что сумел даже неуклюже пошутить. – Некрофил, что ли?

– Ну да, – Бойков как-то странно усмехнулся, будто бы не над шуткой Сухова, а каким-то своим мыслям. – Значит, готов показать? А если там ловушка, то... что будем с тобой делать?

– Не суйся в ловушку и ничего делать не придётся, – Сухов твердо взглянул на Бойкова. – Я тебе информацию выдал, что с ней делать, решай сам. Кто из нас подполковник?

– Вот именно. – По лицу Бойкова стало ясно, что решение он принял. – Кто из нас подполковник?

– Ты.

– Не ты, а вы. Соблюдайте субординацию, лейтенант Сухов. С этой минуты вы восстановлены в звании, вновь поставлены на все виды довольствия и прикомандированы к контр-

разведке Чернобыльской бригады Барьерной армии. Получайте снаряжение, оружие, боеприпасы, приводите себя в порядок и готовьтесь к новому выходу. Время на сборы один час. Время пошло. Сержант Тарасов вас проводит. Можете идти, лейтенант.

– Есть, – Сухов поднялся, но вышел не сразу. – Вы ведь всё равно мне не верите, так?

– Не имеет значения, – Бойков поморщился. – Моя мать тоже не верила, что отец по бабам не таскается, и ничего, жили как нормальная семья до самой смерти. Недоверие делу не помеха, Сухов. «Судный день» нам почти полгода как кость в горле. Накроем шайку, просканируем всех, кто уцелеет, тогда и решим, верить тебе или нет. Если ты чист, первым извинюсь. Если врешь, лично пристрелю. И хоть обижайся, хоть нет, Сухов. Таковы законы военного времени.

В общем-то, Павел и не обижался. Наверное, по причине отходчивости и уравновешенного в целом характера. Нет, бывало, что Сухов запоминал обиды надолго, но это случалось, когда Павел не понимал, за что его обидели или подставили. Если же он мог представить себя на месте обидчика, то забывал плохое быстро. Вот, например, сейчас. Будь на месте Бойкова сам Сухов, он поступил бы точно так же. Может, не бил бы, но морально прополоскал бы подозреваемого, как в прачечной. Доверяй, но проверяй – это правильный принцип. Особенно на войне.

Павел покинул штабной бункер и едва не столкнулся лоб в лоб с взмыленным Кабановым.

– Всё... нормально? – приятель запыхался от беготни. – Что сказал Бойков?

– Получить оружие, – коротко ответил Сухов.

Кабанов мельком взглянул на Тарасова. Тот кивнул.

– Это кстати! – лейтенант мгновенно ухватил Сухова за локоть и потащил за собой. – У меня народу в обрез! Вон там оружейка, бери, что надо, и ко мне, лады?

– А почему ты в мыле? – Сухов оглянулся. – Аврал какой-то?

– Какой аврал, ёпрст?! Боевая тревога, ты что, не слышал? Ах да, у тебя ж имплант завис! Какие-то гады из города сползаются, понял, да? Незаметно так, мелкими группами. Уже почти круговую нас обложили.

– Как выглядят? – Сухов насторожился.

– Да хрен их разберет. В камуфляже все. Но не босота, это точно. Упакованы одинаково, работают грамотно, позиции выбирают качественные.

– Это они, – Сухов беспокойно оглянулся на Тарасова. – Сержант, доложите Бойкову, что Апостол окружает блокпост. Он меня всё-таки выследил.

– То есть это всё-таки ваши личные дела, ты ему всё-таки задолжал, – сделал вывод Бойков, появляясь из бункера.

– Я слишком много видел и слышал, – спокойно возразил Сухов. – Через три дня Апостол собирается забросить бомбу в Узел. Он всё продумал, подготовил, а тут я. Все планы к чёрту. Теперь ему придется или снова лечь на дно, или уничтожить меня.

– Нас всех, – уточнил Бойков. – Не пойму только, почему он думает, что мы не вызовем подкрепление? Или хотя бы не доложим в штаб о его планах, дислокации и так далее.

– Так ведь нет со штабом связи! – подсказал Кабанов. – Уже минут десять, как нет.

Бойков на пару секунд завис, проверяя текущие подключения вживлённого компьютера.

– И м-сеть недоступна, – пробормотал он. – Странно. Это не так-то просто – отключить м-сеть.

– Только не для тех, кто умудрился выкрасть ядерный фугас, – заметил Сухов. – «Судный день» хорошо подготовлен и отлично снабжается. А ещё у него солидные покровители на Большой земле.

– Сейчас проверим, как эти гады подготовлены, – Кабанов взял «Шторм» наперевес. – Разрешите действовать, господин подполковник?

– Разрешаю, лейтенант. Сухов, останешься со мной. Бери оружие и занимайте с Тарасовым позицию на крыше штаба. И в темпе. Я чуть позже подтянусь.

На то, чтобы взять оружие и подняться на крышу, ушло пять минут. Позиция на крыше приземистого штабного здания была оборудована ещё в незапамятные времена, а потому оказалась удобной и даже обжитой. На плоской крыше в произвольном, как казалось на первый взгляд, порядке были расставлены бетонные и керамические метровые кубы и полуколыца, а в центре торчала визирная колонка корабельного крупнокалиберного импульсно-лазерного комплекса АК-3000. Военно-морское происхождение башни с трехствольной пушкой выдавал не только её грозный, но обтекаемый вид, а еще и серый, «шаровый» окрас. Пост этого комплекса находился внутри здания, но при желании сдвоенным гаусс-пулеметом и лазерным оружием стрелок-оператор мог управлять прямо с крыши, для этого существовал пульт – на вид обруч, который надевался оператором на голову. Так что наличие башни и правильная компоновка как бы «хаотично» разбросанных блоков и полуколец позволяли минимальному количеству стрелков отражать атаки одновременно с нескольких сторон. Между бетонными блоками устроители позиции оставили ещё и несколько лежаков, словно обозначая самые выгодные позиции, так что Сухову и Тарасову не пришлось заморачиваться выбором.

Лейтенант устроился на левом фланге, Тарасов на правом. Ни договариваться, ни спорить они не стали. Просто разошлись и всё. После допроса Сухов имел полное право не общаться с сержантом без крайней необходимости, и тот, понимая это, не настаивал.

Слегка нейтрализовал кислотность их настроения Бойков, который минутой позже забрался на крышу и устроился по центру. Не стесняясь в выражениях, подполковник изложил всё, что думает об окружающих блокпост людях в целом и об их моральных качествах, сексуальной ориентации и гигиенических навыках в частности. Последний пункт получился самым пристойным из тирады Бойкова.

– Получат по полной программе, засранцы! – закончил подполковник свой монолог и надел на голову обруч управления стрельбовым комплексом.

Сухов окинул взглядом местность и покачал головой. Энтузиазма подполковника Павел не разделял. Крупный калибр и укрепления это хорошо, но у противника имелось одно большое преимущество – численное. Против взвода чистильщиков и нескольких прикомандированных собирался воевать довольно крупный отряд нелегалов. Только со стороны города короткими перебежками двигалось не меньше полусотни бойцов. Ещё столько же мелькало на берегу в районе понтонов, а сколько воинов «СД» приближалось со стороны портовых складов, Сухов не решался даже предположить. Сотня, не меньше. Так что «Судный день» оказался вовсе не шайкой, как выразился Бойков. Группировка оказалась крупным, хорошо обученным и до зубов вооружённым подразделением, способным решать серьёзные тактические задачи.

– По фронту и на правом фланге авангард противника почти в мертвой зоне, господин подполковник, – доложил Тарасов.

– На левом фланге противник в зоне поражения, – сообщил Сухов.

– Рано, – отрезал Бойков. – Пусть ещё подтянутся.

– Движение с тыла! – донеслось с позиций, обращенных к реке.

– Огонь! – наконец скомандовал подполковник.

Блокпост мгновенно превратился в единый механизм, сеющий смерть и разрушение на многие сотни метров вокруг. Хлопки импульсников, стрекотание древних пороховых пулеметов, взрывы гранат разорвали дремотный звуковой фон, который до сих пор создавался шелестящим мелким дождем и булькающими лужами, а рубиновые вспышки лазеров, оранжево-белые «одуванчики» плазменных и красно-желтые фонтаны обычных взрывов добавили серому дню ярких, почти солнечных красок. Несколько секунд после начала обстрела казалось, что не так страшен чёрт, как его малюют, что атаку удастся отбить малой кровью, но у

командиров и бойцов «СД» имелось своё мнение на этот счёт. Атакующие залегли, выдержали паузу, а затем открыли ответный огонь.

В военных учебниках пишут, что преимущество имеют те, кто обороняется, а потому потери у них обычно в пять раз меньше. Наверное, обычно так и бывает, но сегодня теория не очень стыковалась с практикой. У чистильщиков имелись тридцать легких стволов, и всего три единицы «мощи»: два доисторических крупнокалиберных пулемёта и корабельный импульсно-лазерный комплекс. А у противника кроме двух сотен новеньких «Штормов» на вооружении имелся и импульсный «крупняк», и гранатомёты, и армганы, и два десятка лёгких гаусс-орудий залпового боя, так называемых «Мегер». К тому же чистильщикам приходилось поливать во все стороны, а бойцы «СД» сосредоточили огонь на крохотном пятаке, так что плотность огня атакующих получалась на порядок выше.

Несколько секунд Сухов пытался отстреливаться, но после того, как пуля крупного калибра срезала угол ближайшего блока и бетонный обломок прилетел Павлу точно в лоб, задора у лейтенанта поубавилось. Примерно полминуты он никак не мог сфокусировать взгляд и сориентироваться, где верх, где низ, а когда Павел справился с нокдауном, выяснилось, что «эсдэшники» подошли вплотную и уже почти лезут на стены. Назревала рукопашная схватка.

Сухов схватился за рукав и коротко чертыхнулся. «Шторм» он в оружейке взял, а про нож забыл. В этот момент почти над головой раскатисто громыхнуло, и Сухов невольно обернулся. В башню корабельного комплекса попала очередь из вражеского крупного калибра. Броня башни выдержала испытание на прочность, но с поворотным механизмом что-то случилось, и колонка теперь работала только по правому флангу. Сухов неодобрительно покачал головой и вдруг поднял взгляд ещё выше, к хмурому небу. В серой дождевой пелене появились какие-то странные темные вкрапления. Будто бы кто-то размашисто сыпанул марганцовки в грязную воду. Вкрапления быстро превратились в пятна, а затем начали сливаться в клубящуюся фиолетовую тучу, которая будто бы прогнула своей тяжестью всю облачную завесу вниз, заставляя её резко просесть, казалось, почти до самой земли.

Сухов замер. Эту атмосферную аномалию он уже видел. И не так давно. В прошлую встречу она ещё и переливалась перламутром, искрила и сыпала разнокалиберными молниями, но по размеру туча оставалась точно такой же, да и клубилась так же. Нет, Павел не думал, что это та же самая туча, но аномальное явление, которое вызвало к жизни этот «атмосферный грозовой артефакт», пожалуй, имело ту же самую природу. Что это за аномалия и почему она вот уже второй раз за день появляется там же, где находится Сухов, да ещё настолько вовремя... лейтенанту оставалось только догадываться. Впрочем, пока он не знал, насколько вовремя появилась туча. Ведь она пока просто висела над блокпостом и полем боя не проявляя никакой активности, ни электрической, ни водно-ледяной. Просто висела, заслоняя небо и наводя тень на плетень.

– Только этого нам не хватало! – крикнул Бойков. – И так ни хрена не видно, дым сплошной, так ещё и свет выключился!

– Это туча... – Сухов опустил взгляд на Бойкова и замялся, не зная, как сформулировать мысль.

– Вижу, что туча! Не спи, лейтенант! К краю ползи, противник под стеной!

– Сейчас... что-то будет... не стреляйте!

Сухов опустил «Шторм» и снова запрокинул голову.

– Ты с дуба рухнул?!

– Я не уверен, но... лучше подстраховаться, не стреляйте!

Павел уставился на тучу и замер, будто бы в ожидании какого-то знамения.

– Ты в плен желаешь сдаться?! – Бойков зло, по-моряцки сплюнул. – Так не возьмут тебя, Сухов! Отбор по знаниям не пройдёшь!

– Я про тучу...

– Чокнулся парень, – с огорчением констатировал Бойков. – Перестарался Тарасов, все мозги лейтенанту выбил!

– Виноват! – крикнул сержант. – Патроны кончаются!

– Гранатами огонь!

Среди темных клубов на поверхности тучи вдруг сверкнули и погасли миллионы искорок. Но эту иллюминацию обеспечили не электрические разряды. Искорки сверкнули тускло и не задержались на поверхности тучи, а стремительно понеслись к земле. Сухов попытался проследить взглядом за полётом искорок, но ему помешали темнота и... бешеная скорость, с которой летели эти странные «искры». Павел сумел разглядеть их, только когда искорки начали падать на землю. Оказалось, что это вовсе не тусклые искорки, а крупные, с мячик для пинг-понга, градины. Вот только не белые, снежные, а ледяные: прозрачные и очень твёрдые. Настолько твёрдые, что легко пробивали броню боевых скафандров. А если градины не попадали в цель, то уходили глубоко в землю, при этом и не думая рассыпаться на части, и уже там медленно таяли, как, впрочем, и полагается льду в относительно тёплой грязи.

Ледяной град обрушился на подступы к блокпосту внезапно, мощно и коротко. Всего один заряд из миллиона градин вычертил вокруг укреплений стометровое по ширине кольцо полного и безоговорочного поражения. Во всех смыслах. От двух сотен атаковавших блокпост бойцов выжило едва ли три десятка. Эти счастливчики не успели приблизиться к блокпосту на зловещие сто метров. А когда всё случилось, они и вовсе бросились врассыпную. Всех остальных продырявили градины. Но что самое интересное, внутри укреплений, на территорию блокпоста не упало ни единой льдинки.

– Ржавый якорь мне в клюз, – Бойков изумлённо осмотрелся по сторонам и поднял взгляд к туче. – Что это было?

Сделав очередное чёрное дело, туча-убийца медленно и величаво, как гигантский дирижабль, поплыла куда-то на юг, постепенно набирая высоту.

– Нет, вы видели! – на крышу штаба вскарабкался Кабанов. – Это что, какое-то новое оружие? Наше? Секретная разработка, да?

– Это Зона, – уверенно заявил Сухов. – Она тоже не в восторге от замысла Апостола, вот и помогает нам.

– А-а, опять ты за своё! – Кабанов махнул рукой. – Ты же знаешь, Паша, я в мистику не верю. Господин подполковник, это секретное оружие, да?

– Это туча, – коротко ответил Бойков. – А теперь по коням и преследовать противника до логова. Кто-нибудь наблюдает, куда отходят архаровцы?

– Так точно, – ответил Тарасов, не отрывая взгляда от дальнобойной оптики прицела. – Вижу основную группу противника, уходит в город.

– Ноги в руки, – Бойков кивком указал на Сухова, затем на Кабанова. – Ты пойдешь с нами, а ты – на базе. Как появится связь, вызывай «вертушки» и подкрепление. Сколько бойцов осталось?

– Половина... пятнадцать.

– Пятерых нам хватит. Самых бодрых и опытных, чтобы без слов меня понимали. Придётся идти скрытно и без связи, чтоб не запеленговали. Найдёшь?

– Есть такие, – Кабанов кивнул. – Дайте пять минут.

– Три минуты, – приказал Бойков. – Время пошло.

Бойцы прибыли через две минуты. Двоих Сухов знал, эти ветераны начинали службу в Зоне задолго до Большой зачистки. Трое выглядели не настолько серьёзно, но тоже не суетились и не дрожали. С одним из этой троицы за руку поздоровался Тарасов. Бойков окинул взглядом группу и провёл короткий инструктаж:

– Идём в город. Лейтенант Сухов ведущий, сержант Тарасов замыкающий. Вы двое левый фланг, вы двое – правый. Ты, боец, со мной, держишь воздух. М-фоны вырубить, рты не

раскрывать вообще, полное молчание, говорим на пальцах. Импульсники и серваки в броне отключить и без приказа не включать. Никакой электрической активности. Прижмут твари, работать холодным, клешнями, хоть зубами. Вопросы?

– Разрешите? – спросил провожающий группу Кабанов. – У меня тут ящик со старьём. Четыре «Вала» с приличным боезапасом. Сканерами не определяются, электроники в них никакой, стреляют бесшумно... почти. Боезапас – сплошь СП-6, бронебойные.

– Я возьму, – Тарасов вопросительно взглянул на Бойкова.

– Сам тоже возьму, – Бойков кивнул. – Кто ещё умеет обращаться?

– Я, – Сухов забросил «Шторм» за спину, взял древний «Вал», бесшумный девятимиллиметровый пороховой автомат, и сунул в свободные карманы несколько запасных магазинов.

– Ещё финки есть, шведские, – сказал Кабанов, – керамические, хорошие.

– Это всем раздай, на всякий случай. Готовы, бойцы? Кто не готов, шаг вперёд, оставлю здесь, без вопросов.

Никто, конечно же, даже не шелохнулся.

– На первый, второй... Первые перебежками марш! Вторые, марш!

Выбраться с территории блокпоста и дойти до города удалось без приключений. На взгляд Сухова, разведчики могли бы не утруждаться и шагать нормальным строем, а не перебежками. Но Бойков предпочёл подстраховаться, а заодно создал в группе особую деловую атмосферу, которая всегда полезна в автономном рейде. Все бойцы работали, как швейцарские часы, ни одного сбоя, задержки или лишнего звука. Чуть похуже с этим делом стало, когда группа углубилась в руины; кто-то запнулся, кто-то слишком долго огибал завал, кто-то оступился и зашуршал задницей по щебню и так далее. Но в целом группа шла хорошо: бодро, аккуратно и относительно бесшумно. А главное, Бойкову удавалось держать след. Подполковник дышал Сухову в затылок, но в этом тандеме рулил не Павел. Бойков то и дело притормаживал лейтенанта, чтобы тот не слишком оторвался, пока подполковник осматривает местность на предмет следов. Несколько раз Павлу даже пришлось возвращаться и обгонять Бойкова, который вдруг резко сворачивал в какую-нибудь подворотню или на едва заметную тропинку в зарослях автонов.

Примерно после пятого или шестого из этих выкрутасов Сухов решил возмутиться и высказать своё неверие в Бойкова как следопыта, но именно в этот момент подполковник вдруг придержал Сухова за рукав и взглядом указал на заросли жестянки справа от тропы. Павел медленно подошел к кустам, раздвинул ветви и замер. Картина ему открылась безрадостная. Между кустами вповалку лежали четыре тела в новенькой армейской униформе. Все имели повреждения в районе плечевого пояса, наверняка от ледяных градин, но причиной смерти бойцов стали явно не эти ранения. Сухов подошел ещё ближе и убедился. Всех четверых добила выстрелами в затылок. Апостол спешил и поэтому решил избавиться от обоза.

Павел вернулся и жестом сообщил о своём выводе: изобразил «контрольный выстрел» от бедра. Бойков криво усмехнулся и помотал головой. На лице у него отразилась досада. Что ж, Сухов разделял невысказанное огорчение командира. Не должны солдаты умирать вот так, словно бешеные псы, которых проще пристрелить, чем вылечить. Впрочем, дело не только в солдатских понятиях. Лично Сухова беспокоила ещё и невесёлая перспектива.

Апостол шёл к цели, не выбирая средства. Вел себя, как фашист или нелюдь-террорист, которых хватало во всех странах на рубеже веков. Правы учёные, которые опасаются детонации скоргиума, или нет, теперь не имело значения. Даже если всё пройдет по сценарию Апостола, и ведущие в «преисподнюю» тамбуры закроются, в пяти локациях бывшей Зоны Смерти лучше не станет. Апостол построит на пустынных территориях новый рейх, жить в котором будет ещё хуже, чем в Зоне. А после он ещё, не дай бог, решит распространить свою модель мироустройства и на Большую землю... Проходили, хватит!

Сухов выбрался из зарослей и осмотрелся. Группа находилась не в том квартале, где чернела памятная лейтенанту воронка, а немного севернее. Но именно в этом направлении и следовало искать «цех», в котором Апостол решил до утра оставить бомбу. Павел подал Бойкову знак и жестами попросил пару минут на рекогносцировку. Подполковник показал Сухову средний палец, что следовало понимать так: «Одна минута на всё про всё».

Лейтенант прошёл несколько десятков метров по жестяному лабиринту, упёрся в стену, посреди которой когда-то располагался вход, теперь заваленный грудой обломков, и собрался вернуться, но его притормозило шестое чувство. Что-то показалось Сухову неправильным. То ли стена оказалась не на месте, то ли бывший вход с крыльцом, то ли просто послышался какой-то лишний звук.

Павел обернулся. В двух шагах за спиной стоял Тарасов. Сержант смотрел на Сухова, но сосредоточился он явно на чём-то более важном, чем изучение затылка лейтенанта. Павел проследил за взглядом Тарасова. Сержант изучал серую, линялую табличку, косо висящую на одном гвозде слева от заваленного щепнем крыльца.

«Министерство сельского хозяйства УССР. «Агроснаб». Фасовочный цех минеральных удобрений № 2».

Привычного по нынешним временам дубляжа на украинском Сухов не обнаружил. Он ещё секунду поизучал табличку и вновь обернулся к Тарасову. Заметив, что Павел обернулся, Тарасов указал на стену, а затем на ухо. Лейтенант не ошибся, дело было не во входе, засыпанном будто бы нарочно, и не в табличке, а в «лишних» звуках, которые исходили из-за стены.

Тарасов подошел ближе, аккуратно (даже чересчур аккуратно) отодвинул Павла в сторону и прижался ухом к закопчённой кирпичной стене. Несколько секунд сержант прислушивался, затем почти минуту что-то рассматривал в узкую щель между кирпичами кладки, а затем резко, но бесшумно сдал назад и поманил за собой Сухова.

Когда разведчики вернулись к группе, Павел жестом предложил Бойкову расспросить сержанта. Подполковник Бойков лучше знал Тарасова, чем лейтенанта, так что не до субординации. Тарасов жестиком скупил, коротко, но по делу. Всё понял не только Бойков, но и Сухов, и все остальные бойцы разведгруппы. Группа Апостола находилась в развалинах за стеной. Бандиты стояли и ждали лифта. То есть пресловутый цех располагался где-то под землёй. Ведь верхние этажи здания были давно разрушены.

Бойков раздумывал недолго. Сержант едва закончил доклад, а Бойков уже распределил бойцов по позициям, присвоил каждому номер и указал интервал, с которым «номера» вступают в дело. Сухов опять шел в связке с подполковником.

Группа почти бесшумно рассыпалась по жестянке и двинулась в сторону здания с загадочным подземным лифтом. Сухов и Бойков заходили с левого фланга, шли практически по тропе, поэтому выдвинулись на позицию первыми. И, как выяснилось, прибыли они вовремя. Как раз в эту минуту над поверхностью показалась крыша решётчатой кабины большого промышленного лифта.

Сухов коротко взглянул на Бойкова. Момент назревал критический. Если сейчас же не атаковать противника, он спустится в подземелье, откуда его не выкурить никакими средствами. Но атаковать в два ствола почти целый взвод представлялось чистым самоубийством. Самым разумным выглядел вариант: дожидаться, когда на позиции выйдут все бойцы разведгруппы и тогда атаковать, но времени на ожидание практически не осталось. Бойков понимал это не хуже Сухова. Он закусил губу и напряжённо размышлял, как же всё-таки поступить.

Павел всегда отличался особой дисциплинированностью, поэтому просто взял на прицел бойца, который встал у пульта управления лифтом, и замер в ожидании приказа.

«А если Бойков промедлит? – мелькнула у Сухова мысль. – Столько работы и жертв впустую? Контрразведчик он хороший, но какой из него командир? Нет, до сих пор всё шло

нормально, подполковник справлялся, но ведь и такая ситуация впервые сложилась. Всё или ничего. Может и растеряться».

Сухов снова взглянул на подполковника. Бойков по-прежнему медлил, краем глаза следя за флангами, на которых вот-вот могли появиться бойцы группы. Пауза явно затягивалась. А между тем боец «СД» уже протянул руку к пульту управления лифтовой кабиной. Сухов положил палец на спусковой крючок и сделал вдох. Оставалось сделать полвыдоха и спустить курок. Как его учили. Но Бойков по-прежнему молчал.

Сухов уже почти решился нарушить приказ, но вдруг до него дошло, что кроме замершего у пульта бойца, к шахте никто не подходит и набиваться в просторную кабину лифта бойцы «СД» не спешат. Когда кабина поднялась полностью и остановилась, в неё вошёл только Апостол. Все остальные выстроились в три кольца оцепления и взяли на прицел все окружающие развалины. Один прицелился почти в Сухова. Чуть левее. На самом деле боец не видел затаившегося в развалинах лейтенанта, просто взял под контроль свой сектор и на этом успокоился. Работали бойцы «СД» без вдохновения, наверное, их выбила из колеи череда мистических событий. Что ж, Павел их вполне понимал. А кого не выбьет из колеи факт, что сама природа (пусть и аномальная) восстала против тебя и твоих замыслов?

Сухов перевёл взгляд на решётчатую кабину лифта. Вот кого не волновали никакие капризы природы, Апостола. Лидер «СД» выглядел невозмутимым и даже каким-то умиротворённым. Он склонился над открытым ящиком, по виду обычным, для гранат, но смотрел внутрь Апостол почти с любовью. На обычные гранаты так не смотрят. Тем, что находилось в ящике, Апостол особенно дорожил, факт.

Павел тут же перевёл прицел на Апостола и нажал на спусковой крючок. Непроизвольно. И сместил прицел, и выстрелил, всё словно по наитию. Или чёрт дернул. Впрочем, дальше это утратило значение. Апостол судорожно дёрнулся и завалился на ящик. Боец у лифтового пульта попытался нажать кнопку «вниз», но его на полсекунды опередил Бойков. Он сначала вlepил бронебойную пулю бойцу в лоб, а затем вторую – в пульт управления лифтом. Пульт заискрился, лифт резко просел примерно на метр и замер. Оставшиеся бойцы «СД» мгновенно рассыпались и открыли огонь во весь белый свет. Сухов и Бойков переглянулись и одновременно покинули свои позиции.

Когда стрельба чуть поутихла, подполковник и лейтенант вновь заявили о себе, но теперь с новых позиций. К тому моменту из жестяных зарослей и кирпичных завалов выбрались и другие бойцы группы Бойкова, а потому разговор пошел на равных. Даже с преимуществом чистильщиков. Разведгруппа занимала более выгодные позиции на стенах и мусорных баррикадах, а «эсдэшников» прикрывали только какие-то ящики и обломки. В результате чистильщикам удалось огнём оттеснить противника от лифта и даже прижать бойцов «СД» к земле в глубине здания.

Воспользовавшись моментом, Сухов, а следом и Бойков бросились к лифту. Опытный в вопросах всевозможных проверок и перестраховок подполковник бегло изучил повреждённый пульт, сдёрнул с плеча «Шторм» и загнал прочнейший ствол импульсника между шестернями подъёмного механизма над кабиной. Теперь лифт не мог уехать вниз ни при каких обстоятельствах. Когда это потребуется, поедет, а пока... Сухов мысленно одобрил действия Бойкова. Другой просто разнёс бы очередью электромотор, а этот поступил дальновидно. Чем дальше, тем больше схожих со своими черт характера видел Сухов у подполковника. Пожалуй, они могли бы сработаться, доведись им служить вместе.

Лейтенант спрыгнул в кабину, бесцеремонно ухватил тело Апостола за ноги и стащил с ящика. В керамической имитации деревянного ящика на подложке из полиуретана красовался тактический ядерный фугас «Р-2.5-01» в «ранцевом» исполнении. Мощность боеприпаса (или «могущество», как выражаются специалисты), оставляла желать... всего-то две с половиной килотонны. Но, видимо, по расчётам Апостола этого могло хватить для детонации того, что

находится в запредельном пространстве Узла. К тому же более крупные боеприпасы труднее спрятать внутри «оболочки». Теперь Сухов ничуть не сомневался, что под «оболочкой» имелся в виду человек. Апостол разбрасывался людьми, как сеятель пшеницей.

Сухов захлопнул ящик, ухватился за ручки и поднял ценную ношу чуть выше пояса. Как раз на уровень грунта. Бойков бережно перехватил ящик, сделал шаг назад, но почему-то вдруг без всякого почтения бросил ценный груз на землю и отработанным движением сдернул с плеча «Вал». Смотрел при этом Бойков куда-то внутрь кабины лифта, за спину Сухову. Павел, внутренне холодея, резко обернулся и увидел, что застреленный им Апостол на самом деле пока ещё жив. Истекающий кровью лидер «Судного дня» полулежал, прислонившись спиной к дальней стенке лифта и целился в Сухова из «Страйка».

Над ухом у Павла прохлопала короткая очередь «Вала», и он увидел, как голова Апостола взорвалась, словно переспевший арбуз. Сухов обернулся и поднял благодарный взгляд на Бойкова, но сказать «спасибо» у лейтенанта почему-то не получилось. Ведь слова произносятся на выдохе, а Павлу что-то мешало и выдохнуть, и вдохнуть. Какой-то спазм. Может, от резкого разворота заклинило нервы в грудном отделе позвоночника?

Сухов опустил мутнеющий взгляд и увидел, что его грудь изрешечена, как дуршлаг. Апостол опередил Бойкова на секунду и за это короткое время успел выпустить в Сухова все десять пуль, которыми был заряжен «Страйк». И хоть Апостол был ранен, но положил все десять кучно, мастерски. Выжить с такими повреждениями Сухову явно не светило. Но при этом лейтенант не чувствовал боли.

«Странно, – мелькнула в угасающем сознании мысль, – но почему-то не страшно. Всё закончилось, как полагается. Смертью. Не повезло. Как обычно...»

Голова начала медленно кружиться, а затем в глазах у лейтенанта резко потемнело. Сухов в последней глупой надежде поднял взгляд вверх и попытался рассмотреть в проломе потолка серое небо. Сейчас ему очень хотелось, чтобы снова прилетела фиолетовая туча и сотворила новое чудо. Да, раньше она только убивала, но вдруг она умеет ещё и воскрешать? Не всех, только одного невезучего лейтенанта. Ведь не зря же она до сих пор его защищала. Или что, добыл фугас и до свидания? Дальше выживай сам? Нечестно! Даже подло! Неблагодарность это плохо! Даже для туч!

Ноги подкосились, Сухов сполз по стенке на пол лифтовой кабины и уронил голову на грудь. Но в последний момент он успел заметить, что справедливость всё-таки восторжествовала. Правда, на свой манер. Вместо тучи к месту боестолкновения прилетели «вертушки» с десантом из бойцов спецназа. Именно они заслонили свет и подарили Сухову последнюю прозрачную надежду на чудо. Подарили и отняли, когда Павел понял, что ошибся.

«Что ж, такова жизнь. И смерть. Каждый делает, что может, и уходит. Я ухожу с чувством выполненного долга. Я сделал всё, что мог. «Судный день» разгромлен, бомба снова в руках у военных. Я молодец».

Сухов слабо улыбнулся, и эта улыбка застыла у него на губах навечно.

*Зона, локация ЧАЭС, район тамбура,
04 ноября 2058 г.*

Механик ответил крестнице только поздним вечером. Почему весь день молчал, будучи при этом на связи, Механик не пояснил. Зато прояснил кое-какие моменты и детали будущего задания. Целостная картина в голове у Леры не сложилась, изюминку своего замысла Механик так и не выдал, но хотя бы стала более-менее понятна задача засадной группы.

Настроение Леры сразу улучшилось. Ненамного, но хотя бы исчезла нервозность. Сидеть и ждать у моря погоды, гадая на кофейной гуще, что же там придумал в очередной раз борода-тый фантазёр, не доставляло ей никакого удовольствия. Зато доставляло массу беспокойства.

Ведь Механика частенько заносило то в одну, то в другую сторону. То он играл по очень жёстким правилам, а то обходился вовсе без правил. Подставить и посмотреть, что получится, он всегда считал нормальным тактическим ходом, «разведкой боем». Вот только в бой шёл не сам Механик, а подставленная им под удар пехота, вроде Лешего, Леры и иже с ними.

В этот раз Механик выбрал первый вариант действий – продумал, просчитал и тщательно подготовил всю операцию, но это не значило, что крёстный намерен идти по намеченной тропе до конца. Он в любой момент мог свернуть с неё в любую сторону или вовсе сдать назад и начать игру с нуля, но уже используя другой алгоритм. А то и вовсе полагаясь лишь на интуицию и авось. Надо признать, интуицию Механик имел отменную, да только «авось» ему не подчинялся, у него имелось своё начальство.

В общем, кое-что прояснилось, но основная часть айсберга так и осталась под водой. И выводы Лера сумела сделать лишь общие. Она поняла, что сидеть в засаде её группе придётся несколько суток. Двое суток точно. Хорошо, что прихватили коврики, сухое горючее, достаточно воды и сухпая.

– Двое суток минимум? – Копейкин вздохнул. – Вот мы встряли. Где можно коврик расстелить? На саркофаге нельзя, как я понимаю, тогда на столе можно?

– Устраивайся, где нравится, – Лера снова уселась на раскладной стульчик. – Кто будет кофе?

– На ночь? – Иван помотал головой. – Да и нельзя, наверное, запах от него сильный, ещё учует кто-нибудь.

– А мы дыру заткнем, – взглядом указывая на пролом в потолке (фактически вход в бункер, два нормальных входа были засыпаны щебнем ещё во время Катастрофы), сказала Лера. – Сергей, ты будешь?

– Так точно, – Найдёнов кивнул. – Такая роскошь. Глупо упускать случай.

– Нужен огонь, – Лера сняла с пояса флягу. – Остальное есть.

– Я разведу, – Найдёнов подтянул к себе рюкзак и запустил в него руку, пытаясь найти упаковку таблеток сухого горючего.

– А чайник, чашки? – заинтересовался Копейкин.

– Ты же отказался.

– Да, но...

– Вот ты и поищи чайник и чашки, – Лера указала на груды хлама в кухонном углу. – Там должны быть.

– Ладно, – на удивление легко согласился Копейкин.

В отличие от Сергея Найдёнова, застрявшего в Зоне четыре года назад, Копейкин ещё помнил вкус кофе, за полгода его не забудешь, поэтому и не сообразил сразу, что шанс действительно выпал уникальный. Но теперь нужные контакты в голове замкнулись, и сталкер принялся с энтузиазмом разгребать завал из штукатурки, обломков мебели и черепков битой посуды.

Найдёнов тем временем развёл небольшой, практически бездымный костерок почти под проломом в потолке. Тёплый воздух потянулся к отверстию. Проследив за дымком, Лера прикрыла глаза, медленно подняла руку над головой и слегка помахала, будто бы разминая запястье. Жест у неё вышел изящный, а главное – продуктивный. Она не просто так помахала, разгоняя почти невидимый дым, а создала невидимую, но эффективную метаморфную завесу, которая, словно фильтр, улавливала дым, лишние запахи и остужала тёплый воздух до наружной температуры. При этом завеса не мешала притоку воздуха извне. Во всём этом убедился Копейкин, который зачем-то выбрался на минуту из бункера, а затем спрыгнул обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.